

0255

Г О Л О С Ъ Ж И З Н И 1915 № 17

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
И ЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

Цена № 12 коп

№ 17 15 к

СОДЕРЖАНИЕ № 17.

Ив. Курдюмовъ. „Парадоксы“ (статья).
П. Шутяновъ. „Война и народное хозяйство въ Германіи“ (статья).
Михаилъ Козыревъ. „Разрыдалась“ (разсказъ).
Н. Ястребовъ. „Зори грядущаго“ (статья).
Антонъ Крайній. „Зори ли? Грядущаго ли?“ (статья).
Р. Аренскій. „Земля и камень“ (статья).
Сергѣй Есвининъ. Стихотворенія.
О. Снѣгина. „Тѣни тѣней“ (разсказъ).
ВѢСТИ и МНѢНІЯ. Борисъ Кремневъ, „Письма со стороны“ (1).
Дмитрій Нрючновъ, „Подспудная красота“.
ХРОНИКА. „Verba“, „Стягъ безграмотности“, „Книги, поступившія въ Редакцію“.

ИЛЛЮСТРАЦИИ:
ЗАСТАВКИ: Митуричъ (стр. 12), **Ереминъ** (стр. 19), стр. 2, 6, 10—изъ старинныхъ итальянскихъ изданій.
П. Митуричъ. Изъ альбома. Флотъ полвѣка тому назадъ. 1. Морской смотръ въ Кронштадтѣ 23 юля 1856 г. 2. Морской смотръ въ Спетхедѣ 1856 г. (Съ современныхъ политипажей).
+ **Лвонъ Перець.** Съ барельефа. Изъ собранія С. Ан-скаго.
Военныя иллюстраціи: „Наскоро“ (на французскомъ фронтѣ) (стр. 1), „Объѣдъ индискіихъ войскъ“ (стр. 3), „Опускается послѣ развѣдки“, „Послѣ ухода врага“ (стр. 4), „Мулла и католическіи священники объѣзжаютъ позиціи“ (стр. 5), „Тяжелыя англійскія орудія съ моторной тягой“ (стр. 9), „Убѣжище изъ стали“ (стр. 17), „На англійскомъ броненосцѣ“, „Спускъ раненаго“ (стр. 18), „Собаки на санитарной службѣ во Франціи“ (стр. 20).

Адресъ Редакціи: Лиговская, 114, кв. 2, тел. 20-01. Приемные часы: вторн. и пятн., отъ 4-хъ до 6-ти. Рукописи, присылаемыя въ Редакцію, должны быть четко написаны, черезъ страницу. На отвѣтъ прилагаются почтовые марки. Непринятія рукописи хранятся въ теченіе мѣсяца, послѣ чего уничтожаются.

При семъ № разсылается подписчикамъ второй выпускъ полного собранія сочиненій **Льва Толстого**, содержащій первую часть (стр. 97—192) романа „**ВОЙНА и МИРЪ**“ (т. 7).

Въ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ принимаютъ участіе:

Въ литературномъ отдѣлѣ:

Г. Адамовичъ, С. Андреевскій, Анна Ахматова, С. Ауслердеръ, Г. Бароновъ, В. Бестужевъ, Л. Берманъ, А. Блокъ, В. Богучарскій, Н. Бородинъ, В. Бруснянинъ, З. Венгерова, Б. Верхоустинскій, Б. Веселовскій, Л. Галичъ, В. Гиппиусъ, З. Гиппиусъ, Г. Георгиевскій, С. Городецкій, Л. Добронравовъ, Борисъ Зайцевъ, И. Зейлингеръ, Георгій Ивановъ, В. Ирецкій, Р. Ивневъ, В. Каратыгинъ, В. Карачарова, А. Карташевъ, Н. Коробко, В. Кохановскій, Антонъ Крайній, Д. Крачковскій, Д. Крючковъ, М. Курчинскій, О. Ларинъ, Д. Левинъ, Н. Лернеръ, О. Мандельштамъ, Е. Мауринъ, А. Мейеръ, Д. Мережковскій, Д. Митрохинъ, М. Моравская, М. Новорусскій, Я. Онуевъ, І. Орбели, Е. Псковитиновъ, А. Ремизовъ, В. Ропшинъ, А. Ростиславовъ, Е. Семеновъ, М. Славинскій, Ю. Слезкинъ, Ю. Слонимская, Андрей Соболевъ, К. Соколовъ, П. Соловьева (Allegro), В. Соловьевъ, А. Тиняковъ, Н. Толмачевъ, О. Форшъ, А. Чапыгинъ, Георгій Чулковъ, М. Шагинянъ, К. Эрбергъ, Н. Ястребовъ и др.

Въ художественномъ отдѣлѣ:

Н. Альтманъ, А. Арнштамъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Л. Бруни, П. Верейскій, А. Гроссъ, М. Добужинскій, С. Ереминъ, А. Иванова, Л. Квятковскій, Коровкинъ, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, П. Митуричъ, М. Нечитайло-Андреевко, Б. Поповъ, Е. Псковитиновъ, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауръ, С. Яремичъ и др.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ съ 82-мя книгами полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО съ пересылкой—8 р. 50 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—3 р. 50 к., къ 1-го марта—2 р., къ 1-го юня—2 р., къ 1-го августа—1 р.
Цѣна за 6 мѣс.—4 р. 25 к., за 3 мѣс.—2 р. 12 к.

Подписная цѣна журнала „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ (безъ книгъ полного собранія сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО), съ пересылкой: за годъ—4 р. 50 к., за 6 мѣс.—2 р. 50 к., за 3 мѣс.—1 р. 35 к. Разсрочка допускается: при подпискѣ—2 р. 50 к., къ 1-го юня—2 р.

ПРИ ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА необходимо прилагать СТАРЫЙ АДРЕСЪ и ТРИДЦАТЬ (30) коп. почтов. марками. Заявленія о неполученіи очереднаго номера необходимо дѣлать тотчасъ по полученіи номера, слѣдующаго за неполученнымъ. Позднѣйшія заявленія удовлетворены быть не могутъ.

Лица, подписывающіеся на журналъ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ съ книгами сочиненій Л. Н. ТОЛСТОГО, просятъ **ОБЯЗАТЕЛЬНО ПИСАТЬ на ДЕНЕЖНОМЪ ПЕРЕВОДѢ** фразу

„**СЪ СОЧИНЕНІЯМИ Л. ТОЛСТОГО**“, указывая при этомъ желаемое количество книгъ, т. е. 82 (полное собраніе ВСѢХЪ сочиненій) или 50 (собраніе ТОЛЬКО беллетристическихъ произведеній). Въ случаѣ неупоминанія въ переводѣ о сочиненіяхъ Л. Н. ТОЛСТОГО подписка будетъ зачисляться въ абонементы № 1 или № 2 (соотвѣтственно количеству высланныхъ денегъ), какъ наиболѣе требуемые.

Полный русскій иллюстрированный СЛОВАРЬ-ТРАВНИКЪ и ЦВѢТНИКЪ.

Необходимая настоящая книга для каждой провинціальной семьи, сельскихъ хозяевъ, лѣсоводовъ, аптекарей и проч., заключающая въ себѣ подробное описаніе всѣхъ ЦѢЛЕБНЫХЪ, полезныхъ и вредныхъ для человѣка и животныхъ растений, корней и цвѣтовъ съ указаніемъ врачебнаго дѣйствія ихъ на человѣка и животныхъ, а также способовъ приготовленія изъ нихъ весьма полезныхъ и вполне безвредныхъ домашнихъ лечебныхъ средствъ и пр. съ приложеніемъ алфавитнаго списка болѣзней, въ которомъ имѣются ссылки на страницы Словаря-Травника, гдѣ указаны соотвѣтствующія растенія, способствующія облегченію и излеченію болѣзней, съ 645 рисунками, изъ которыхъ 300 напечатаны цѣтными красками. Въ двухъ большихъ томахъ (1152 стр.). Цѣна въ переплетѣ съ перес. только 3 руб.

Требованія адресуются Акціонерному Обществу Издат. А. А. НАСПАРИ. Петроградъ, Лиговская ул., 114, и Садовая ул., 20.

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

0255

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 17

22 апрѣля 1915 г.

И. В. КУРДЮМОВЪ

ПАРАДОКСЫ.

На дняхъ засѣдало правленіе вновь устроеннаго (во время войны) общества для содѣйствія одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности, до сихъ поръ находившейся въ полной крѣпостной кабалѣ у Германіи. И вотъ о чемъ въ этомъ промышленномъ засѣданіи говорилось:

1) Жалуются у насъ вѣдомства, промышленники, купцы, наконецъ просто граждане, которымъ приходится платить 55 коп. за десятокъ яицъ и только по особой протекціи можно раздобыть мѣру-другую овса для своихъ лошадей—жалуются, словомъ, вся Россія на вагонный голодъ. Между тѣмъ въ Ригѣ, на вагонныхъ заводахъ, какъ оказывается, — цѣлыя сотни законченныхъ постройкой вагоновъ, но нѣтъ бандажей для колесъ, а въ Брянскѣ (если память меня не обманываетъ), наоборотъ, сколько угодно бандажей, но нѣтъ вагоновъ. Казалось бы, чего проще: взять лежаніе въ Брянскѣ бандажи, перевезти ихъ въ Ригу, наклепать на тамоніе вагоны и усилить нашу желѣзнодорожную провозоспособность столь ей необходимымъ сейчасъ подвижнымъ составомъ. Но на практикѣ бандажи — въ Брянскѣ, вагоны — въ Ригѣ, а овецъ, котораго въ Петроградѣ не достать, мокнетъ у сибирскихъ платформъ. Существующіе въ натурѣ вагоны называются какъ бы несуществующими, а мы стонемъ отъ недостатка вагоновъ.

2) Въ Петроградѣ недостатокъ овса, въ Петроградѣ недостатокъ яицъ, въ Петроградѣ недостаетъ масла, а на югѣ Томской губерніи не знаютъ, куда дѣвать масло, куда дѣвать яйца, куда дѣвать множество другихъ сельскохозяйственныхъ товаровъ. Желѣзная дорога забита? И однако по этой же, столь абсолютно якобы забитой, желѣзной дорогѣ еще недавно, по словамъ очевидцевъ, бѣжали изъ Сибири въ Москву пустые вагоны. „Подвижной составъ возвращался“, кому-то данный для провоза въ Сибирь и кѣмъ-то добросовѣстно возвращаемый Петрову дали — Петровъ и возвращаетъ. И напрасно сотни Ивановыхъ въ Тайгѣ, Ново-Николаевскѣ и т. д. слезно умоляютъ дорогу: позвольте намъ нагрузить эти пустые вагоны нашими товарами. Имъ говорятъ: вагоны — не ваши; Петровъ взялъ, съ Петрова и спрашиваемъ. Что Петровымъ въ данномъ случаѣ оказалось не частное лицо, а учрежденіе, — нисколько не мѣняетъ вопроса. Важенъ изумительный фактъ: при нынѣшней заби-

тости сообщения изъ Сибири возвращались въ Москву пустые вагоны.

Много еще говорили на своемъ засѣданіи промышленники, много жаловались на всевозможные парадоксы, не дающіе возможности наладить столь сейчасъ необходимое для Россіи отечественное производство. Оказывается, что все есть, что нужно, нехватаетъ только одного — организаціи. Точнѣе, нехватаетъ даже хотѣнія заниматься этимъ дѣломъ организаціи. Нѣтъ сознанія, что налаженная въ странѣ хозяйственная жизнь при нынѣшней эпической по размѣрамъ и затяжной по своему характеру войнѣ такъ же важна, такъ же — болѣе того — необходима для побѣды, какъ сильное и стойкое войско. Недаромъ, по военной терминологіи, Петроградъ, Москва, даже Волга представляютъ собою сейчасъ „глубокій тылъ“. Да, при нынѣшнемъ характерѣ войны вся страна представляетъ собою „глубокій тылъ“. И вотъ этой стратегической аксіомы очень многие никакъ не могутъ понять. Застоявшіеся на узловомъ пунктѣ десятокъ-другой вагоновъ такъ же — стратегическій недочетъ, какъ не успѣвшій во-время къ назначенному мѣсту огрядъ войскъ. И небреженіе, нераспорядительность, легкомысліе въ обоихъ случаяхъ одинаково опасны и преступны.

Наскоро. (Изъ французскаго фронта.)

Можно думать, что всѣ отрасли управления настолько втянуты въ чисто-военную работу, что всѣми другими, а въ томъ числѣ и первостепенными хозяйственными вопросами, они могутъ заниматься только между дѣломъ. Правда, промышленниковъ, вообще говоря, охотно выслушиваютъ. Даже посылаютъ къ нимъ, на ихъ частныя совѣщанія, представителей, которые добросовѣстно заносятъ въ свои записныя книжки разсказываемыя на этихъ совѣщаніяхъ парадоксы. Но и только. Дѣйствительнаго желанія устранить или смягчить „парадоксы“ почти ни у кого не находится.

Зато нѣкоторые вѣдомства страстно отстаиваютъ себя въ печати, на примѣръ путейское. Никто еще, помнится, публично не обращалъ къ нему упрековъ, а въ „Новомъ Времени“ открылся цѣлый походъ въ защиту нынѣшняго желѣзнодорожнаго хозяйства. Скажутъ, что путейскіе „парадоксы“ особенно мучительны для страны, и поэтому естественно побужденіе—разяснить свою полнѣйшую невиновность въ этихъ вызванныхъ „непреодолимой силой явленіяхъ“. Однако трубадуры путейскіе предпочитаютъ аргументировать исторически. Вотъ, молъ, Витте недостаточно развилъ наши желѣзныя дороги и построилъ только около 30.000 верстъ, хотя имѣлъ возможность построить еще столько же, а С. В. Рухловъ, хотя и построилъ всего около 4.000 верстъ, но по желанію развить

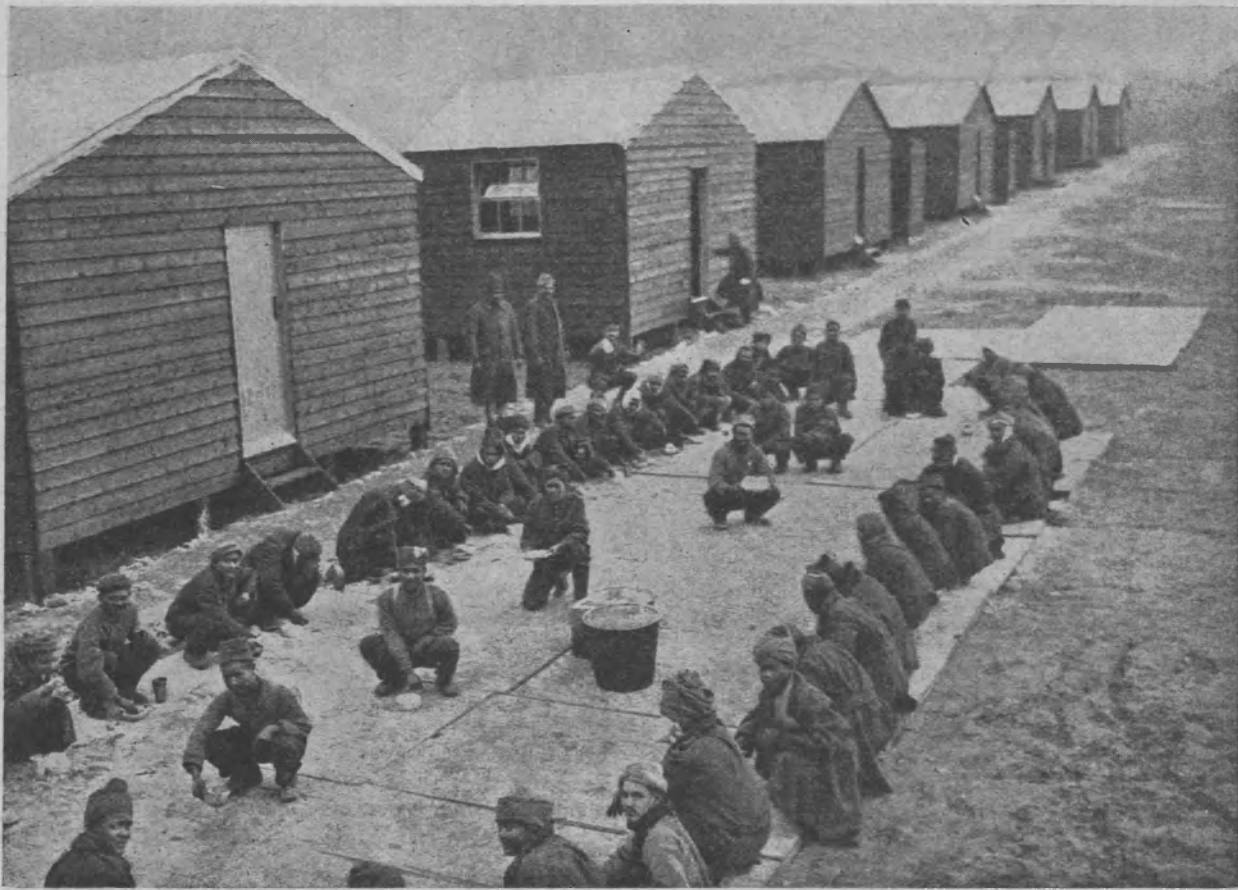
нашу рельсовую сѣть далеко превосходить Витте, и т. д. Возможно, что все это и вѣрно, но о томъ ли сейчасъ рѣчь? Никто не собирается требовать, чтобы С. В. Рухловъ выстроилъ во время войны хотя бы 4000 верстъ. Но хотятъ, и очень хотятъ, чтобы движеніе на наши „тыловыя“ дорогахъ было по крайней мѣрѣ такъ же хорошо организовано, какъ движеніе на галицкихъ (только что завоеванныхъ!) дорогахъ подъ управленіемъ г. Немѣшаева (бывшаго министра путей сообщения въ министерствѣ Столыпина). Хотятъ, чтобы на узловыхъ станціяхъ не заставались пустые вагоны, чтобы вагоны порожнемъ не ходили изъ Сибири въ Москву, наконецъ, чтобы изъ-за невозможности привезти бандажи изъ Брянска въ Ригѣ не стояли безъ дѣла готовые для пользованія новые вагоны.

Вообще хотятъ извѣстнаго равновѣсія въ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ. Добиваются хотя бы признанія той важной стратегической аксіомы, что правильно обслуживать тылъ—значитъ правильно обслуживать армию.

Но промышленники собираются и шумукаются въ своемъ углу, путейцы—въ своемъ. Первые—безъ допуска репортеровъ, вторые—съ предупредительнымъ приглашеніемъ сладкогласныхъ новременскихъ трубадуровъ. Выходитъ, что съ одной стороны жалуются на парадоксы, а съ другой—жалуются на Витте, а равновѣсія, правильнаго согласованія, истинно-государственнаго „графика“ все нѣтъ какъ нѣтъ.

Ив. Курдюмовъ.

Объѣдъ индійскихъ войскъ.

П. ШУТЯКОВЪ.

ВОЙНА И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО ВЪ ГЕРМАНИИ.

Міровая война не только во всѣхъ воюющихъ странахъ, но также и въ странахъ нейтральныхъ оказала глубокое вліяніе на народно-хозяйственную жизнь, но ни въ одной странѣ послѣдствія ея не были такъ значительны, какъ въ Германіи. Германія сразу превратилась изъ государства съ обширными торговыми сношеніями, съ огромнымъ импортомъ и еще болѣе значительнымъ экспортомъ, изъ могущественнаго конкурента Англии и Америки на всемірномъ рынкѣ въ „изолированное государство“, которое не въ состояніи получить извнѣ даже необходимѣйшихъ предметовъ потребления и матеріаловъ производства. Конечно кое что продолжаетъ попадать въ Германію изъ нейтральныхъ государствъ, но этого слишкомъ мало для удовлетворенія потребностей семидесятимилліоннаго населенія Германской имперіи. Ничтоженъ также и сбытъ, которой все еще имѣютъ произведенія германской промышленности. Въ общемъ же Германіи пришлось послѣ объявленія войны перестраивать свою экономическую жизнь на совершенно новыхъ началахъ. Она должна была сосредоточить все свое вниманіе и всю свою энергію на томъ, чтобы по крайней мѣрѣ обезпечить свое населеніе

предметами первой необходимости, а свою армію—боевымъ снаряженіемъ. Предъ этой главной задачей всѣ остальные отступили на второй планъ. „Wir müssen durchhalten und wir werden durchhalten“ („Мы должны выдержать, и мы выдержимъ“),—заявляютъ нѣмцы.

Удастся ли имъ это, или нѣтъ, покажетъ недалекое будущее. Но германскіе экономисты уже предвидятъ, что вызванныя войной затрудненія съ окончаніемъ войны не прекратятся, что Германіи придется считаться съ неблагоприятными послѣдствіями войны и послѣ ея окончанія. Очень любопытную попытку выяснить вѣроятныя будущія послѣдствія войны для Германіи дѣлаетъ извѣстный германскій экономистъ Э. Яффе въ своей брошюрѣ „Volkswirtschaft und der Krieg“. Его выводы малоутѣшительны для нѣмцевъ и сулятъ имъ перспективы, которыхъ они очевидно не ожидали. Вообще какъ ни тщательно Германія готовилась къ войнѣ, какъ ни подготавливала она въ теченіе многихъ лѣтъ ко всѣмъ возможнымъ военнымъ осложненіямъ свою армію, свой флотъ и свои финансы, для подготовки германскаго народнаго хозяйства въ его цѣломъ къ такой войнѣ, какъ нынѣшняя,

Опускается послѣ развѣдки.

Послѣ ухода врага.

было сдѣлано мало. Когда Германия очутилась въ положеніи изолированнаго государства, пришлось приняться за импровизацію новаго порядка. Мѣры, къ которымъ прибѣгло германское правительство, известны: оно скупило всѣ запасы зерна и муки, ограничило потребление хлѣба, издало цѣлый рядъ законовъ, регулирующихъ прокормъ скота, а также и потребление всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые имѣютъ значеніе для арміи. При этомъ оно должно было рѣшительно отречься отъ цѣлага ряда традицій, считавшихся до сихъ поръ неизбѣжными, сильно ограничить право частной собственности на предметы, имѣющіе національное значеніе, и рѣшительно вступить на путь государственнаго регулированія важнѣйшихъ сторонъ народно-хозяйственной жизни.

Яффе думаетъ, что и по окончаніи войны многія изъ этихъ исключительныхъ мѣропріятій придется оставить въ силѣ, ибо Германіи придется стать лицомъ къ лицу съ новыми, гораздо болѣе тяжелыми, условиями экономической жизни. Прежде всего Германіи придется озаботиться о томъ, чтобы скопить такіе запасы хлѣба, мѣди, керосина, бензина, резины, хлопка, шерсти, джута и т. п., которыхъ хватало бы по крайней мѣрѣ на годъ. Для этого должны быть созданы спеціальныя государственныя хранилища. Затѣмъ Германіи придется считаться въ будущемъ съ совершенно новыми условиями внѣшняго рынка: „Въ теченіе цѣлага ряда лѣтъ,—говоритъ Яффе,—а, можетъ быть, и десятилѣтій намъ придется считаться не только съ непріязнью нашихъ теперешнихъ враговъ, но точно такъ же и съ политическимъ, и экономическимъ противодействіемъ многихъ государствъ, остающихся нынѣ нейтральными. Мы не будемъ въ состояніи высылать сотни тысячъ нашихъ согражданъ въ чужія страны на поиски заработка, такъ какъ мы не будемъ въ состояніи защищать ихъ въ случаѣ необходимости. Наши ганзейскіе города не смогутъ кредитовать на многіе миллионы иностранныхъ коммерсантовъ и промышленниковъ, ибо въ случаѣ новыхъ осложненій ихъ капиталы оказались бы въ такой же точно опасности, какъ и теперь“. Отсюда Яффе дѣлаетъ выводъ, что Германіи придется ограничить свою коммерческую и національную сферу вліянія Австріей, Турціей и нѣ-

которыми балканскими странами. Что касается колоній, то Германія должна обезпечить за собой обладаніе такими территориями, которыя были бы достаточно велики для того, чтобы быть въ состояніи защищаться самостоятельно. Назначеніе такихъ колоній должно состоять въ снабженіи Германіи матеріалами, которыхъ она сама не производитъ. Но главныя измѣненія должны, по мнѣнію Яффе, быть произведены во внутреннемъ укладѣ германской экономической жизни. Принципу свободной конкуренціи наступилъ конецъ. Экономическій индивидуализмъ, господствовавшій до сихъ поръ, не въ состояніи справиться съ грядущими задачами несравненной трудности. Ему на смѣну должно явиться сознаніе, что экономическая дѣятельность есть въ то же время служеніе государству и народу. Этотъ принципъ долженъ быть положенъ въ основу новыхъ формъ хозяйственной жизни. Государству послѣ войны понадобятся колоссальныя суммы для погашенія своихъ ресурсовъ. Такихъ суммъ никакіе налоги доставить не смогутъ. Придется прибѣгнуть къ монополизациі многихъ крупныхъ отраслей производства. Въ другихъ областяхъ монополизациа необходима по военнымъ соображеніямъ. Въ общемъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны явится перестройка всей системы производства съ цѣлью извлеченія наибольшей пользы для государства.

Яффе относится къ мысли о такой перестройкѣ народнаго хозяйственнаго строя съ нескрываемымъ сочувствіемъ. Онъ видитъ въ немъ приближеніе къ идеалу будущаго, осуществленіе идеи коллективизма. Но нужно признаться, что тяжкія условия, при которыхъ долженъ получить свое крещеніе новый экономическій принципъ, едва ли могутъ содѣйствовать его прочному утвержденію на будущее время. Сформировавшійся подъ давленіемъ военной необходимости укладъ экономической жизни будетъ по всей вѣроятности всѣми признаваться за временный и переходный. Онъ ляжетъ на населеніе тяжкимъ бременемъ, и вполне естественно, что оно будетъ приписывать эту тягость не тѣмъ условиямъ, которыя вызовутъ примѣненіе новыхъ формъ хозяйственной организациі, а самимъ этимъ формамъ.

Стокгольмъ.

П. Шутяковъ.

Мулла и католический священник объезжают позиции.

МИХАИЛЬ КОЗЫРЕВЪ

РАЗРЫДАДАСЬ.

Шла неторопливо, и лица прохожих расплывались в ее душѣ сѣрымъ, стертымъ, безличнымъ, стирали острые углы. Думы, бередившія по ночамъ, шлепали равнодушно, грязь расплющивая...

Но вотъ, какъ нечаянный гудъ автомобиля, вздрогнуть заставило, увидѣть незамѣчаемое раньше—вывѣски, витрины, людей и среди нихъ—его. Чѣмъ-то знакомымъ промелькнуло. Въ чемъ оно это знакомое?—въ наклонѣ головы, въ подпушеченныхъ вѣкахъ или въ морщинѣ какой нибудь, но оно повлекло ее, повело за человѣкомъ въ поношенномъ, не по фигурѣ, пальто, улицами, переулками, пока въ воротахъ не скрылся.

Знакомый, можетъ быть, любимый...

Да, конечно онъ!..

Испугалась, похолодѣла. Выплывали воспоминанія лентами широкими и узкими, слетались въ пестрый клубокъ...

Шумно было. Свѣтъ бѣлый. Вѣдя стѣны, бѣлая платья. Чьи-то руки, взгляды. А потомъ свѣжестью обдало. И онъ шель рядомъ—высокій, сильный (тогда очень сильнымъ по-

казался), а голосъ слабый, не по фигурѣ, какъ и пальто. И весь неуверенный—такъ и кажется, что исчезнетъ сейчасъ, расплывется...

Милый, милый такой. Тихій, простой. Сидитъ—и незамѣтно его. Ни словомъ, ни движениемъ не обидитъ дѣвической обидчивой души. А безъ него пусто становилось. Придетъ, сядетъ въ углу, близорукими глазами начнетъ въ книгахъ рыться—все имъ наполнится, хоть и незамѣтно его...

Раньше были: не то мысли, не то желанія, скорѣе капризы. Приходили и уходили, а за ними—пустота. Въ эту пустоту и вошелъ онъ—тихимъ голосомъ, незамѣтностью, неуверенностью. И уже не взглянешь на него по-чужому, ничто въ немъ въ глаза не бросается,—только въ чужомъ все замѣтно...

Какой ужъ загородный лѣсъ, весь въ окуркахъ да жестянкахъ, а все-таки лѣсъ, и сосны такія пахучія, родныя, вѣточки хрустятъ. И онъ съ нею—высокій, высокий, а она выше его: голову вверхъ закинула. Вдругъ усталость какая-то: голову къ нему на плечо положила, и какъ

будто вѣкъ такъ сидѣли—тепло и близко. А послѣ уже не ходила—порхала, такъ и домой прибѣжала съ крылышками, прятала ихъ, а казалось, что всѣ видятъ крылышки-то...

Отпускать отъ себя не хотѣлось, да надо было. А онъ не вернулся. Шапку его нашли, въ водѣ плавала, а его—нѣтъ. Все озеро обыскали. Сначала не понимала, словно надѣялась даже на что-то. Потомъ только: вѣтеръ взметнулъ косматое, стукнулъ по стекламъ дождь—посмотрѣла на карточку его, поняла все и разрыдалась. Навсегда разрыдалась—ни смѣха, ни радости. И люди теперь—уже не люди для нея, а прохожіе—подойдутъ, сдѣлаютъ больно и уйдутъ, пожаловаться некому. Было кому, да ушелъ. Откуда пришелъ, куда ушелъ—неизвѣстно. А какъ любилъ! Каждое движеніе, каждую неровность. Руки больныя, некрасивыя и тѣ полюбилъ, цѣловалъ со слезами. Движеніями неловкими (вогъ-вотъ уронить чтонибудь, разобьетъ) любовался. Вотъ какъ любилъ!

И душу ея—неровную, неловкую (вотъ-вотъ уронить чтонибудь, разобьетъ)—полюбилъ; муки ея—изъ за нестоящаго—и тѣ принялъ. Все пойметъ, всегда утѣшитъ, скажетъ слово, просто скажетъ, а слово простое до сердца дойдетъ, душой поймется, какъ ея собственныя, его-то слова.

А теперь нѣтъ никого. Приходить съ ласками, да души не видятъ, не замѣчаютъ, не замѣтятъ какъ оскорбятъ...

И вдругъ—онъ. Неужели онъ? Скорѣе, скорѣе къ нему!

Недѣля прошла. У него была. Разказалъ, какъ произошло все: на лодкѣ поѣхалъ по озеру, буря была, лодку перевернуло, а онъ выплылъ. И почему-то не захотѣлось на старое мѣсто возвращаться, пошелъ куда глаза глядятъ. Что видѣлъ, гдѣ былъ—разказывалъ, только коротко очень. Радовалась сначала встрѣчѣ, доброй была, привѣтливой со всѣми, осторожной, точно радость свою расплескать боялась. Да только смутныя стали пошевевиваться подозрѣнія—захотѣлось вдругъ сердце, сожмется, и вся сожмется, точно удара ждетъ. Съ перваго взгляда что-то чужое въ немъ поразило,—вглядывалась и не узнавала: и слова его—ненастоящія, и душа—какъ закрытый наглухо ящикъ. Когда съ

нимъ была, какъ будто нехватало чего-то, пустота мучила, время долго тянулось. Много надо было сказать ему, да не могла, настороженной съ нимъ сдѣлалась, прислушивалась, боялась. Прислушивалась—и слышала враждебное себѣ: вотъ-вотъ обидитъ, и слова его, какъ ножомъ по стеклу, обидой по сердцу; вотъ не пойметъ, и за отвѣтомъ да взглядомъ—мертвое непониманіе.

Такъ и сегодня вошелъ онъ по-старому, въ углу сѣлъ, близорукими глазами въ книгахъ рылся—только ей холодно. Сидитъ ожидающе, вздрагиваетъ. И вотъ рѣшилась.

— Смотрю я на тебя, не тотъ ты. Совсѣмъ не тотъ. Чужой.. (Въ изумленные глаза взглянула.) Много, много сказать тебѣ надо. Такъ много! Да вотъ не могу сказать! (Вскрикнула.)

Недоумѣнно, испуганно смотреть. Не понять ея.

— Какъ прежде, весь твой! Какъ прежде. Моя жизнь—какъ твоя... своей нѣтъ у меня.

Не вѣрила. Холодъ за словами, какъ будто мертвецъ говоритъ—тихо, однотонно. Сдѣлалась маленькой, жалась вся.

— Нѣтъ, не вѣрю.

— Ну, что же мнѣ дѣлать! Все... все для тебя... („бѣдная, бѣдная моя пташечка“). Хранить тебя, любить тебя... Родная... Скажи, все скажи... Все пойму... Не я, а любовь моя... Она—силаиѣе, чѣмъ я: въ нее, не въ себя вѣрю.

Точками черными слова мелькали—слова не слова, а прохожіе, всѣ на одно лицо.

— Зачѣмъ ты вернулся. Уйди, уйди!.. Оставь меня... Что ты со мной сдѣлалъ! Вѣдь ты себя во мнѣ уничтожилъ...

Что отвѣтилъ, не помнить. Только чужое до оскорбленія—не въ словахъ, потому словъ не помнить, а въ тонѣ, можетъ быть, лѣнивомъ, пережевывающемъ.

Ушелъ, а голосъ звучалъ—глухо, нераскаянно.

Комната будто снаружи заперта. И рамы—не рамы, а рѣшетки частыя. Мечется, бьется и не можетъ выпрыгнуть...

Михаилъ Козыревъ.

Из альбома художника П. Митурича.

Н. ЯСТРЕБОВЪ.

ЗОРИ ГРЯДУЩАГО.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ начинаетъ пробуждаться интересъ къ учащейся молодежи.

Вызывается ли этотъ интересъ тѣмъ обстоятельствомъ, что молодежь представляетъ еще нетронутый источникъ свѣжихъ силъ, которыя въ данное время такъ нужны для Россіи, или здѣсь кроется какая нибудь другая причина, дѣло не въ этомъ. Важно, что общество интересуется грядущимъ поколѣніемъ.

З. Гиппиусъ посвятила молодежи даже цѣлую пьесу. О пьесѣ говорили много, и мнѣ думается, что интересъ къ пьесѣ обязавъ не исключительно извѣстному имени автора, но и существуетъ, помимо этого, благодаря темъ, затронутой авторомъ.

Я далеко отъ мысли обсуждать идею пьесы, разбирать ее подробно. Это все уже дѣлалось много разъ. Я упомянулъ о пьесѣ только какъ о фактѣ, который доказываетъ, что русскому обществу не безразлично, что думаетъ и дѣлаетъ молодежь.

Послѣ того, какъ изъ края въ край нашего отечества прокатились воскликнутыя къ-то въ минуту глубокаго

духовнаго подъема слова: „Забудемъ распри и встанемъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины“, послѣ этого русская молодежь какъ будто сомкнулась на время, почувствовала въ себѣ одно сердце. Но такое единомыслие продолжалось недолго. Молодежь давно уже раздробилась на отдѣльныя партіи, смотрящія на жизнь съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Эта рознь сказалась и теперь.

И не только пожалуй партійность мѣшаетъ намъ въ нашихъ общихъ созиданіяхъ, но и наше духовное одиночество. Каждый изъ насъ самъ по себѣ, каждый изъ насъ замкнулся, и если даже принадлежитъ къ партіи, то принадлежить къ ней далеко не всецѣло.

Даже не замѣчается стремленія сблизиться, породниться духовно.

Отчего же это такъ?

Отчего въ молодежи происходитъ распаденіе на особи?

Это распаденіе совершалось цѣлыя послѣднія восемь лѣтъ.

Еще въ 1906 году рухнуло товарищество, порвались связи между его представителями.

И вотъ поэтому-то нельзя задаваться вопросами:

„Что думаетъ молодежь?“,

„Что дѣлаетъ молодежь?“.

Молодежь, какъ цѣлое, ничего не думаетъ и ничего не дѣлаетъ, хотя среди представителей молодежи съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ все больше и больше умныхъ, серьезныхъ людей.

„Такъ неужели же эти умные, серьезные люди не сознаютъ, что распаденіе молодежи, кромѣ вреда, не принесетъ ничего ни ей самой, ни обществу?“—задастъ, можетъ быть, ктонибудь вопросъ.

Очень немногие сознаютъ, — отвѣчу я, — но, если бы это сознавало и большинство, еще мало одного только сознания, нужно еще что-то другое, что бы захватило всѣхъ индивидуумовъ и создало бы изъ нихъ единообразный классъ.

Вспышка патриотизма въ началѣ войны, какъ я уже указывалъ, именно собрала молодежь въ одно цѣлое, дала ей одну общую физиономію, но прошло нѣсколько дней, если хотите—нѣсколько недѣль, и у молодежи уже не стало ни общей души, ни общаго лица, опять сталъ каждый самъ по себѣ, со своими мыслями, со своимъ одиночествомъ.

Очевидно нужно еще болѣе сильное средство, чтобы объединить прочно молодежь. Еще такъ недавно повсюду слышались вопли: „Что намъ дѣлать, чтобы хоть сколько-нибудь уменьшить число самоубійствъ среди молодежи?“.

Эта эпоха самоубійствъ была переломомъ въ жизни русской молодежи.

Когда начались самоубійства, тогда, надо полагать, разорвались послѣдніе швы общаго платья молодежи, наступилъ періодъ одинокихъ душъ и одинокой тоски. Гибля сотни молодыхъ жизней въ открывшейся пропасти одиночества, не имѣя ни собственной воли бороться съ сомнѣніями одинокой души, ни нравственной товарищеской поддержки.

Болѣе сильныя натуры оставались жить, замыкались въ себѣ—и въ результатѣ выросла подъ кличкой „молодежь“ какая-то странная толпа молодыхъ стариковъ.

Современную молодежь врядъ ли можно изучить, врядъ ли въ ея средѣ можно классифицировать тѣ явленія, которыя кажутся общими. Эти явленія общи только на первый взглядъ, и, вдумавшись въ нихъ, мы не замѣтимъ никакой внутренней связи.

Существуетъ много студенческихъ кружковъ, но такія кружки, которые не требуютъ духовнаго единенія: есть напримѣръ кружки воздухоплавательные, спортивные, фотографическіе, есть кассы взаимпомощи, бюро труда. Но въ эти кружки являюся чисто специальными, вносящими въ среду юношества только минутные общіе интересы. Моло-

дежь понимаетъ, что Россія въ данное время входитъ въ новую фазу исторической жизни, понимаетъ, что нужны сильныя рабочія руки,—и работаетъ, учится, но опять-таки не сообща.

Наука не объединяетъ юношей духовно, она ихъ объединяетъ только общимъ именемъ „учащейся молодежи“.

Если вы прислушаетесь къ разговорамъ среди учащихся, то, кромѣ незначительныхъ общихъ мѣстъ, ничего не услышите: каждый старается оберегать неприкосновеннымъ свой собственный духовный обликъ—и серьезныхъ разговоровъ, бесѣды „по-душамъ“, что называется, не бываетъ.

Современное юношество слишкомъ рано вступаетъ въ жизнь, слишкомъ много и сильно переживаетъ индивидуально, и единопущія въ его средѣ поэтому быть не можетъ.

Не нужно пытаться искусственно вызывать это единопущіе: такіа попытки были бы и безнадежны, и бесполезны, такъ какъ при всемъ стараніи вызвали бы единопущіе только кажущееся, но не дѣйствительное.

Предоставьте молодежи жить своею собственной жизнью, той жизнью, которая установилась, которая только и можетъ существовать въ наше время.

Отъ грядущаго поколѣнія надо ждать личностей, но не толпы.

Стадное чувство все болѣе и болѣе вырождается въ средѣ молодежи, и вмѣстѣ съ этимъ становится все труднѣе и труднѣе объединить молодежь общей задачей.

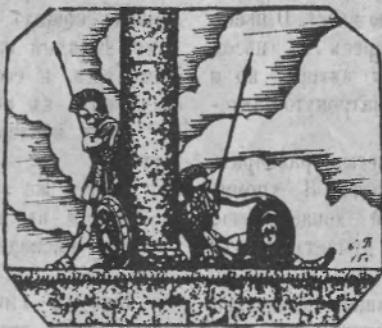
Мы объединены жизнью въ одномъ имени, въ имени „люди“. И этого достаточно. Пусть развиваются самостоятельные характеры, пусть глубоко сквозитъ въ нихъ индивидуальная оригинальность.

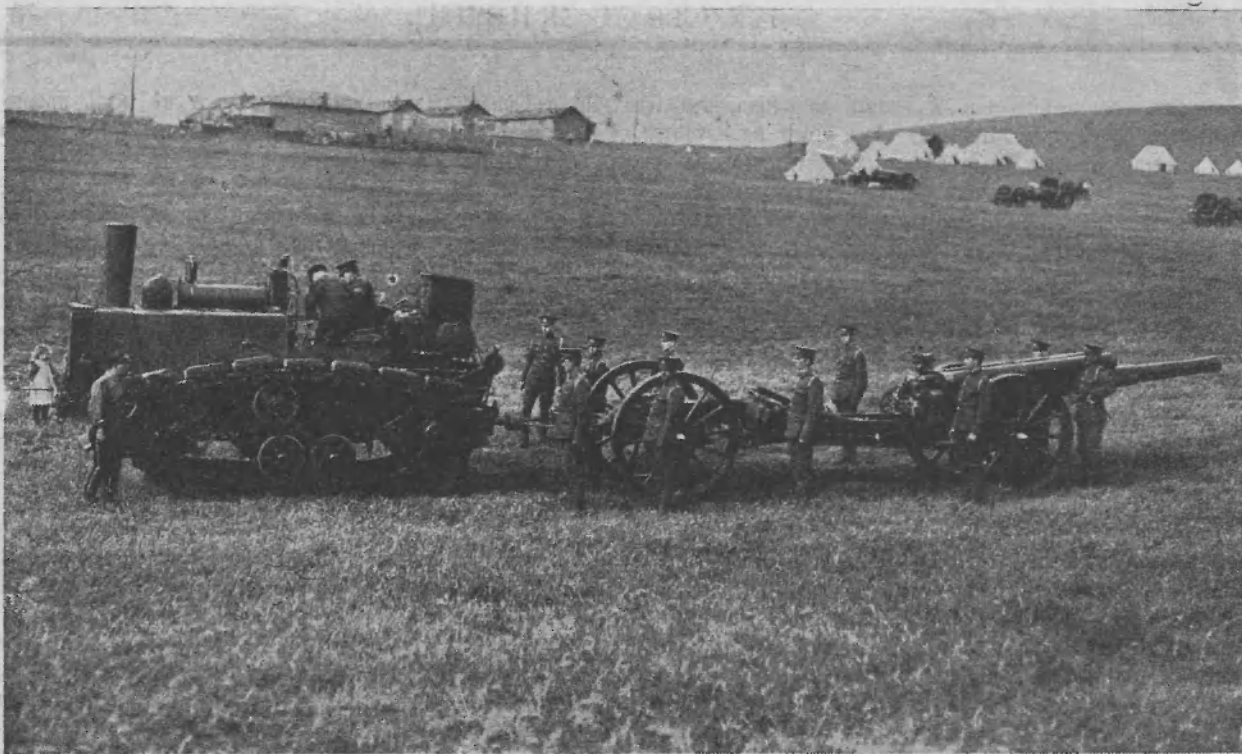
Если когда-нибудь войдетъ въ жизнь великанъ мысли, и если ему удастся поднять общество, то даже и здѣсь не будетъ стадности, и не будетъ ея потому, что люди сознательно отнесутся къ появленію гения, каждая личность—по своему, а не по шаблону, и такъ какъ люди будутъ объединены только именемъ, то и не утратятъ своего „я“.

Можно съ увѣренностью сказать, что въ то время гений будетъ играть роль личности не подчиняющей, а вдохновляющей. Какое изъ этихъ двухъ понятій болѣе цѣнно для жизни, покажетъ будущее.

Такъ пусть же развитіе юношества идетъ такъ, какъ оно идетъ. Будемъ надѣяться и ждать появленія новыхъ людей съ глубоко оригинальной, самостоятельно выстрадавшейся, выбившейся изъ теней повседневности душой; будемъ ждать, когда эти люди возьмутъ молотъ каменщика, чтобы построить новый храмъ вѣрно понятымъ завѣтамъ жизни.

Н. Ястребовъ.

Тяжелыя англискія орудія съ моторной тягой.

АНТОНЪ КРАЙНІЙ.

ЗОРИ ЛИ? ГРЯДУЩАГО ЛИ?

Мы печатаемъ выше помѣщенную замѣтку* нашего молодого сотрудника не столько ради возраженія, которая можно на нее сдѣлать, сколько ради ея характерности.

Возразить очень легко. Тѣмъ легче, что авторъ самъ путается и противорѣчитъ себѣ. Утверждая сначала, что результатъ „распаденія мелodeжи на особи“—тогь, что „съ каждымъ часомъ все больше умныхъ и серьезныхъ людей“, черезъ нѣсколько словъ отмѣчаетъ, — какъ результатъ того же „замыканія въ себѣ“, — „странную толпу молодыхъ старпковъ“.

Не менѣе легко показать необоснованность дальнѣйшихъ утверждений автора. Защищая индивидуализмъ „до конца“, онъ и будущее рисуетъ себѣ не иначе, какъ въ тѣхъ же формахъ: „войдетъ въ жизнь великанъ мысли, гениі...“. Но почему „можно съ увѣренностью сказать, что этотъ гениі будетъ играть роль личности не подчиняющей, а вдохновляющей“? Напротивъ, „съ увѣренностью можно сказать“ (и это уже съ серьезными историческими и другими основаниями), что подобная „единая личность“ будетъ именно подчиняющей, или даже миропорабощающей, по самому своему принципу единства. Вѣдь это — старая, даже древняя идея. Идея Мессіи, идея Антихриста. Какъ идея мессіанства, она даетъ путь къ разрѣшенію антиноміи между понятіями „всѣ“ и „одинъ“. Даетъ потому, что человѣческую личность „одного“

не ограничиваетъ человѣческимъ. Напротивъ, идея Антихриста замыкаетъ всѣ пути и выходы, углубляетъ антиномію, подчиняетъ „всѣхъ“ людей „одному“ человѣку. Въ нашу задачу не входитъ дальнѣйшее развитіе этихъ положеній, столь извѣстныхъ и безспорныхъ хотя бы послѣ Достоевскаго. Возвратимся къ характерности замѣтки г. Ястребова, оставивъ ея противорѣчивость и философскую несостоятельность въ сторонѣ.

Прежде всего замѣтка любопытна своей обыкновенностью. Защита индивидуализма, разобщенности, самости до такой степени обыкновенна, такъ повсемѣстна и обыденна, что мы должны къ этому факту извѣстнымъ образомъ отнестись. Именно къ факту обыденности. Индивидуализмъ демократизуется. Ибсенъ, Ницше, Достоевскій говорили съ вершинъ, откуда они увидѣли новый горизонтъ. Ихъ голоса едва долетали до „всѣхъ“, —слишкомъ они были далеко назадъ. Но время, исторія продвинула „всѣхъ“ къ нимъ, человѣчество встрѣтилось съ ними, настигло ихъ—или ихъ тѣни,—услышало ихъ голоса—или живое эхо голосовъ,—потому что вѣдь невѣстно, что теперь говорили бы Ибсенъ и Достоевскій, не ушли ли бы на другія, слѣдующія, вершины?

Но какъ разъ съ ними, прежними, тогдашними, толпа сейчасъ разговариваетъ, слушаетъ ихъ, понимаетъ, и... еще

не дослушала, еще недопоняла. А понять до конца, вобрать въ себя, какъ свое, г.то. Прежде чѣмъ этого не случится, нѣтъ и движенія дальше, нельзя даже увидѣть, что это—не послѣдняя ступень, а одинъ изъ этаповъ.

Кончился ли процессъ демократизаціи индивидуализма? Совершенно опредѣленно слѣдуетъ отвѣтить: нѣтъ, не кончился. Дифференціація, распыленіе, разобщеніе,—эти внѣшніе признаки, сопровождающіе внутреннее исканіе осознать и утвердить вѣчный принципъ „Личности“,—только еще разрастаются, ширятся. Ибсенъ и Достоевскіи не дослушаны, а потому всеобщее вниманіе праведно направлено на нихъ, вѣрнѣе—на ихнее, на вопросъ о „Личности“.

За большимъ столомъ только что подали второе блюдо, скажемъ мы, если позволено прозаическое сравненіе. И было бы бесполезно вырывать тарелки съ недоѣденными кусками во имя того, что есть третье блюдо. Супъ оконченъ, къ нему не вернуться за большимъ столомъ. Супъ—это тотъ первичный коллективъ, который съ такимъ удовольствіемъ называютъ гости большого стола „стадностью“. Совершенно естественно со стороны прозелитовъ индивидуализма трусить возврата, чувствовать всякую общность, всякую возможность соединенія людей какъ „стадность“. Только что открывшіе, что есть „вопросъ о Личности“, писатели изъ „Сѣвернаго Гусляра“ (не всѣ, а гг. Туфановъ, Ковшъ, Нелли) „утверждаютъ индивидуализмъ“ съ тѣмъ же страхомъ или презрѣніемъ ко всякой общности („стадности“), какъ стадо другихъ прозелитовъ.

„Бѣдные мы, сознательные люди!—писалъ Флорберъ, одинъ изъ вкусившихъ отъ второго блюда во времена, когда за большимъ столомъ жадно ѣли супъ.—Какъ далеко человечество отъ насъ, и наше величайшее заблужденіе въ томъ, что мы равняемъ человечество съ собой и обращаемся съ нимъ соотвѣтственно этому...“

Да, заблужденіе; и попытки демократизовать истину, когда еще не окончили процессъ демократизаціи предыдущей, бесплодны, самонадѣянны, легко ожесточаютъ и ведутъ къ нетерпимости. Надо „для всѣхъ быть всѣмъ“, но помнить, что „спасешь только нѣкоторые“, по мудрому слову Павла.

Павловъ уже нѣтъ, мудрость рѣдка и трудна, а главное—неуслѣдима времена, неудовимы переходы, и почти нельзя не ошибаться при оцѣнкѣ степени развитія того или другого историческаго движенія. Тутъ вѣдь надо еще учитывать, что въ какой-то мѣрѣ движеніе ускоряется, то есть, попросту говоря, на открытіе истины требуется больше времени, чѣмъ на усвоеніе уже открытой. Цѣль отдѣльной жизни отдавалась на то, что сегодня гимназистъ выучиваетъ между прочимъ. Логически,—да и фактически,—опытъ предыдущихъ поколѣній служить послѣдующимъ для опоры, какъ данное.

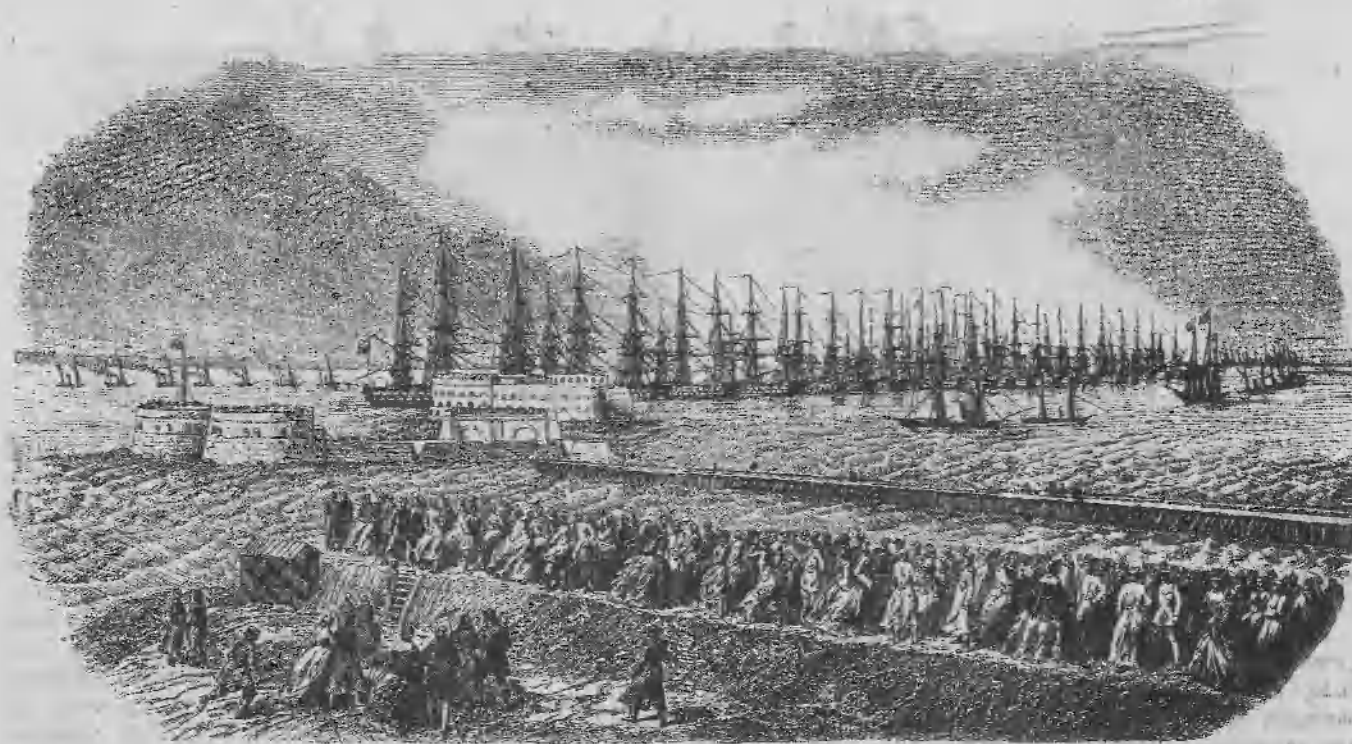
Но въ живой жизни это происходитъ не такъ просто и не такъ ясно, какъ намъ хотѣлось бы; отсюда и ошибки, и „заблужденія“, и нетерпимость.

Съ особенной горечью отмѣчаешь, что и молодежь, т. е. послѣдующее поколѣніе, не пользуется сейчасъ опытомъ, уже пережитымъ, не опирается на него, а сама сызнова начинаеть его продѣлывать, сливаясь съ общей массой въ процессъ индивидуализаціи. Русская молодежь девяностыхъ годовъ была настоящей молодой молодежью. Она мучилась, боролась, осознала проблему „личности“, утверждала, ковала „личность“, доходила въ борьбѣ до неизбѣжныхъ крайностей, съ болью отрываясь отъ „стадности“. Сколько слабыхъ погибло на этой переправѣ, не достигнувъ другого берега... Все это происходило не въ закоулкѣ, слава Богу, даже не въ одной Россіи... И вдругъ, въ пятнадцатомъ году новаго вѣка, „новая“ русская молодежь заговорила, какъ о чемъ-то новомъ, (не заговорила—залепетала) о „я“ и „не я“, о правахъ личности и грѣхѣ стадности, о грядущемъ гениі, о „познаніи міра путемъ включенія его въ свое эго“ (это—„новая“ мечта г. Ковша изъ „Гусляра“). И слова какія-то все старенькія-престаренькія, знакомыя со временъ юности Бальмонта: „солнечно-юная“, „творчески-измѣнчивая, стремительно-дерзкая“ мудрость и т. п.

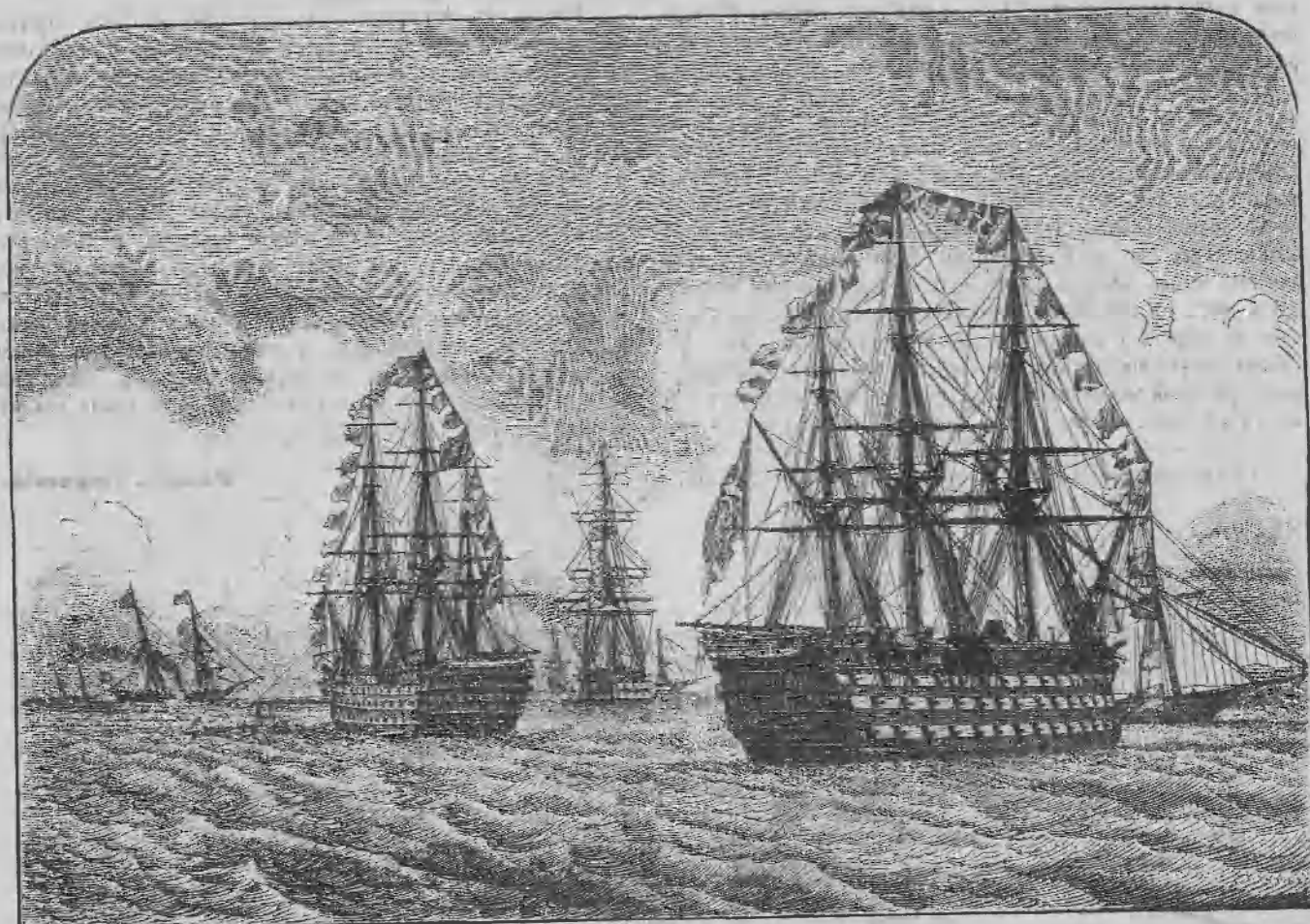
Если не всегда хватаетъ терпѣнія и терпимости наблюдать долгій процессъ демократизаціи какой нибудь идеи, медленнаго ея просачиванія въ широкіе круги, то убѣждаться, что молодежь наша не пошла впередъ, а лишь разжевываетъ жеванное, особенно огорчительно. Не хочется вѣрить. Да нужно ли вѣрить? Смѣна поколѣній—тоже вещь неуслѣдимая. И пожалуй наша сегодняшняя молодежь, которую мы считали молодежью,—вовсе и не молодежь, а „такъ“. Такъ, масса „вообще“, среди которой, по медленно-вѣрному закону, происходитъ своимъ чередомъ впитываніе очередной идеи. А наши дѣйствительные будущіе... они пожалуй сейчасъ еще не подросли, еще учатся, читаютъ и работаютъ. Одно несомнѣнно: когда они заговорятъ о своихъ новыхъ мечтаніяхъ, это не будетъ ни „новая мечта“ г. Ковша о „включеніи міра въ свое эго“, ни надежда г. Ястребова на „грядущую личность гениа“, ни—тѣмъ болѣе!—желаніе „превратить жизнь въ грезо-фарсъ“. Имъ въ голову не придетъ трусить предъ „стадностью“: слишкомъ безвозвратно она побѣждена. Съ ней они и не столкнутся. А вотъ съ „индивидуализмомъ“, т. е. съ идеей „личности“, самое себя кончающей, будетъ въ свое время борьба, и о новомъ, не „стадномъ“ только, но корнями уходящемъ въ исторію, человеческомъ общеніи, единеніи, эти поистинѣ молодые, можетъ быть, что нибудь и скажутъ.

Антонъ Крайній.

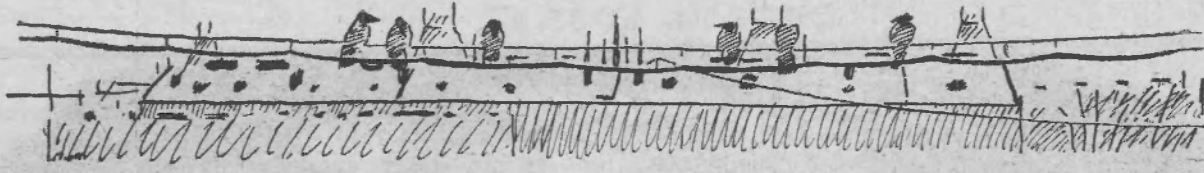

Флот по льду тому назад. Морской смотръ въ Кронштадтѣ, 23 июля 1856 г.

Флот по льду тому назад. Морской смотръ въ Спитхедъ, апрѣль 1856 г.

РОМАНЪ АРЕНСКІЙ. ЗЕМЛЯ И КАМЕНЬ*).

Предъ нами худошавый девятнадцатилѣтній паренъ, желтоволосый и скромный, съ веселыми глазами. Онъ прѣхалъ изъ Рязанской губерніи въ „Питеръ“ недѣли двѣ тому назадъ, прямо съ вокзала отправился къ Блоку, — думалъ къ Сергѣю Городецкому, да потерялъ адресъ.

Въ Питерѣ ему всё были незнакомы, только что раньше „стишки посылалъ“. Теперь самъ ихъ привезъ, сколько было, и принялся раздавать „просящимъ“, а просящихъ оказалось порядочно, потому что наши угонченно-утомленные литераторы знаютъ, гдѣ раки зимуютъ, поняли, что новый рязанскій поэтъ — дѣйствительно поэтъ, а у многихъ есть даже особенное влеченіе къ стилю подлинной „земляной“ поэзіи. Девятнадцатилѣтній С. Есенинъ заставляетъ вспомнить Н. Клюева, тоже молодого поэта „изъ народа“, тоже очень талантливаго, хотя стихи ихъ разны. Есенинъ весь — веселѣе, у него тонъ голоса другой, и сблизжаетъ ихъ развѣ только вошь что: оба находятъ свои свѣжія, первыя и вѣрныя слова для передачи того, что видятъ. Въ стихахъ Есенина плѣняетъ какая-то „сказанность“ словъ, слитость звука и значенія, которая даетъ ощущеніе простоты. Если мы больше и чаще смотримъ на слова (въ книгахъ), чѣмъ слышимъ ихъ звуки, — мастерство стиха приходитъ послѣ долгой работы; трудно освободиться отъ „лишнихъ“ словъ. Тутъ же мастерство какъ будто данное: никакихъ лишнихъ словъ нѣтъ, а просто есть тѣ, которыя есть, точныя, другъ друга опредѣляющія. Важнѣе конечно талантъ; но я сейчасъ не говорю о личномъ талантѣ; замѣчательно, что при такомъ отсутствіи прямой, непосредственной связи съ литературой, при такой разностильности, Есенинъ — настоящій современный поэтъ. Онъ, самъ того не подозревая, — уже

„описатель“, онъ, прежде всего, „видитъ“, и это — не его личное свойство, а общее свойство современныхъ словесниковъ-поэтовъ, какъ у Фета и Кольцова было общее свойство сначала „чувствовать“, а не видѣть.

Впрочемъ это требуетъ долгихъ доказательствъ, сложныхъ опредѣлений и параллелей. И нѣтъ у насъ еще развившихся современныхъ народныхъ талантовъ. Есенинъ такъ молодъ, а время такъ быстро, что онъ можетъ еще завянуть на корню. Пока невиданный Питеръ не слишкомъ удивилъ и плѣнилъ его. Любопытно, однако не очень. Пошелъ и на „поззо-концертъ“. „Что жъ, понравились футуристы?“ — „Нѣтъ; стихи есть хорошіе, а только что-жъ все кобениться“. И люди въ Питерѣ, говорятъ, — ничего, хорошее, да какіе-то „не соленные“.

Рядомъ съ Есенинымъ, за тѣмъ же столомъ, сидѣлъ предъ нами другой юный поэтъ, не „земляной“, — „каменный“. Современники, — они все-таки немножко не понимали другъ друга. Есенинъ не знаетъ „языковъ“, а потому ему невдомекъ, что значить „манто“, „ландолэ“, „гресо-фарсъ“ и т. д., а коллега не понимаетъ ни „дежки“, ни „купыря“, и скорѣе до „экарлатной“ зари додумается, чѣмъ до „маковой“. Но оба хотятъ богатства словъ. И оба имѣютъ. Только у „каменнаго“ поэта своего нехватка, и приходится въ чужихъ странахъ прикупать, а поэтъ „земляной“ прѣхалъ съ собственнымъ русскимъ богатствомъ изъ Рязанской губерніи, и лишній разъ стало ясно, какъ обильна земля наша; всего у насъ вдоволь, а если кому нехватаетъ, если въ каменныхъ столицахъ все, вплоть до словъ, — покупное, такъ это потому, что мы съ нашими богатствами сладить не умѣемъ. Гдѣ густо, а гдѣ пусто.

*) Стихотворенія С. А. Есенина см. на слѣд. страницѣ.

Романъ Аренскій.

Гусляръ.

Темна ноченька, не спится,
 Выйду къ рѣчкѣ на лужокъ.
 Распоясала зарница
 Въ пѣнныхъ струяхъ поясокъ
 На бугрѣ береза-свѣчка
 Въ лунныхъ перьяхъ серебра.
 Выходи, мое сердечко,
 Слушать пѣсни гусляра!
 Залобуюсь, загляжусь ли
 На дѣвичью красоту...
 А пойду плясать подъ гусли,
 Такъ сорву твою фату.
 Въ теремъ темный, въ лѣсъ зеленый,
 На шелковы купыри,
 Уведу тебя подъ склоны,
 Вплоть до маковой зари.

• • •

Пахнетъ рыхлыми драченами,
 У порога въ дежкѣ квасъ,
 Надъ печурками точеными
 Тараканы лѣзутъ въ пазъ.
 Вьется сажа надъ заслонками,
 Въ печкѣ нитки попелицъ,
 А на лавкѣ за солонками —
 Шелуха сырыхъ яицъ.
 Мать съ ухватами не сладится,
 Нагибается низко,
 Старый котъ къ махоткѣ крадется
 На парное молоко.
 Квохчутъ куры безпокойныя
 Надъ оглоблями сохи,
 На дворѣ обѣдную стройную
 Запѣваютъ пѣтухи,
 А въ окнѣ на сѣни скатя,
 Отъ пугливой шумоты,
 Изъ угловъ шенки кудлатые
 Заползаютъ въ хомуты.

Богомолки.

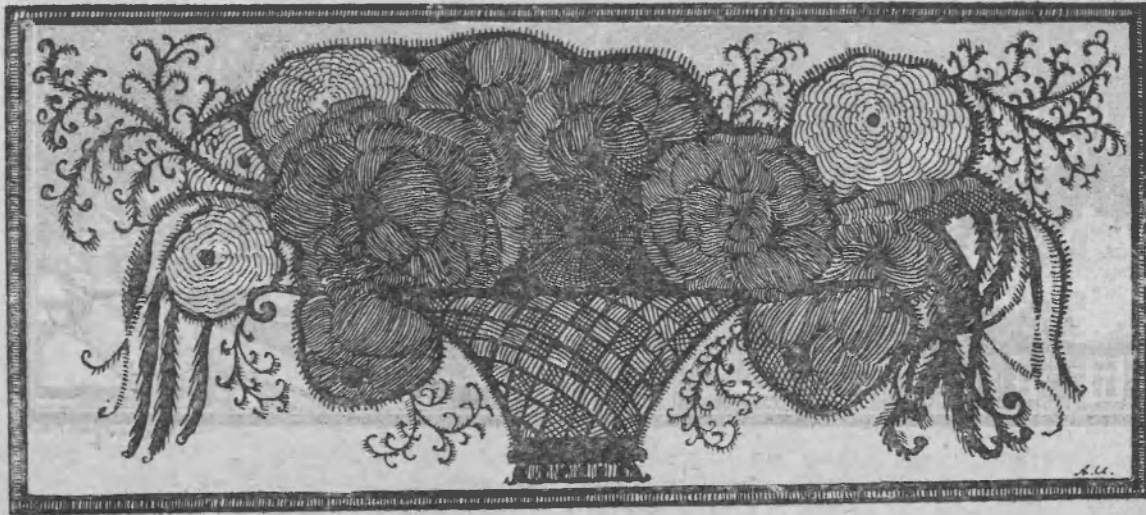
По дорогѣ идутъ Богомолки,
 Подъ ногами полынь да комли,
 Раздвигая щипульные колки,
 На канавахъ звенятъ костыли.
 Топчутъ лапти по полю кукольной,
 Гдѣ-то ржанье и храпъ табуна,
 И зоветь ихъ съ большой колокольни
 Гулкой звонъ, словно зыкъ чугуна.
 Отряхаютъ старухи дулейки,
 Вяжутъ дѣвки косицы до пяты,
 Изъ подворья съ высокой келейки
 На платки ихъ монахи глядятъ.
 На вратахъ монастырскіе знаки:
 «Упокою грядущихъ ко мнѣ»,
 А въ саду разбрехались собаки,
 Словно чуя воровъ на гумнѣ.
 Лижутъ сумерки золото солнца,
 Въ дальнихъ рощахъ акаетъ звонъ,
 По тѣни отъ ветлы веретенца
 Богомолки идутъ на канонъ.

Рыбакъ.

Подъ вѣнкомъ лѣсной ромашки
 Я строгаль, чинилъ челны.
 Уронилъ кольцо милашки
 Въ струи пѣнистой волны.
 Лиходѣйная разлука,
 Какъ коварная свекровь.
 Унесла колечко шуца,
 Съ нимъ — милашкину любовь.
 Не нашлось мое колечко,
 Я пошелъ съ тоски на лугъ,
 Мнѣ вдогонъ смѣялась рѣчка:
 «У милашки новый другъ».
 Не пойду я къ хороводу,
 Тамъ смѣются надо мной,
 Повѣнчаюсь въ непогоду
 Съ перезвонною волной.

Сергѣи Есенинъ.

О. СНЪГИНА.

ТЪНИ ТЪНЕИ.

Уже тридцатый день пошел, как сидели они рядом: три Василя.

— Скажи на милость!—удивлялся старший Василий, светлоробородый, коренастый, неладно скроенный, да крепко сшитый мужик.—И надо же так сойтись. Каких только у нас именъ въ окопѣ нѣтъ: и Александра, и Лексѣй, и Степанъ, и Пантели, и Оома, и Осипъ.—да все вперемежку. А Васильевъ три—и всѣ сусѣди, рядышкомъ такъ и сидимъ. Должно, не иначе, Васили Блаженный насъ другъ къ дружкѣ приспособилъ и стережетъ. Гляди-ка, сколько народу перепортило, а насъ не трогаетъ.

Уговоръ былъ такой: коренастаго мужика звать „дядя Василя“, страннаго, высокаго, худаго солдата „изъ господъ“—Василемъ Львовичемъ, а молодого, здоровнаго, рябoga парня—Васька. Такой порядокъ учредилъ самъ дядя Василя.

Дядя Василя, дѣловитый, трудолюбивый, всегда готовый взяться за любую работу, принадлежалъ къ числу тѣхъ солдатъ, которые особенно драгоценны въ окопахъ, тамъ, гдѣ надо безконечно-терпѣливо исполнять однѣ и тѣ же обязанности.

Въ этихъ невозможныхъ условияхъ жизни, среди тѣсноты и нечистоты, дядя Василя оставался тѣмъ же упругимъ, покорнымъ судьбѣ и готовымъ исполнять все, чего требуетъ настоящій моментъ, мужикомъ, какимъ былъ у себя въ деревнѣ.

Живя уже цѣлый мѣсяцъ въ тѣсномъ корридорѣ окопа, онъ сумѣлъ приспособиться къ ненормальнымъ условиямъ и сдѣлать ихъ до нѣкоторой степени сносными для себя и окружающихъ. Онъ повидимому не такъ страдалъ отъ грязи, холода и невозможности размяться движениемъ, какъ страдали другіе солдаты.

И онъ такъ же дѣловито хлопоталъ около печурки, оружейной въ ямѣ, завѣшанной холстиной, какъ хлопоталъ въ деревнѣ около своего привычнаго крестьянскаго дѣла. Онъ усердно налаживалъ и здѣсь, въ этой холодной обмерзлой ямѣ, свое хозяйство, кипятилъ воду для чая, варилъ

картошку, собиралъ и пряталъ въ углу веревки, банки отъ консервовъ, каждый разъ объясняя, что „это содится“.

Въ свободныя минуты, когда вниманіе не было захвачено стрѣльбой, которую дядя Василя, какъ и все, что ему поручали, продѣлывалъ съ величайшимъ усердіемъ, онъ весело балагурилъ съ Васькой или задумчиво бесѣдовалъ съ Василемъ Львовичемъ. Этотъ высокій, худощавый молодой человѣкъ, со впалой грудью и нѣжными руками, съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ, освѣщеннымъ тихимъ и глубокимъ сияніемъ сѣрыхъ глазъ, какъ-то особенно привлекалъ и интересовалъ дядю Василя.

Онъ зналъ, что этотъ сосѣдъ—баринъ, студентъ, что онъ тамъ, въ далекой столицѣ, жилъ въ богатомъ, большомъ домѣ у маменьки, чему-то мудреному учился и еще занимался страннымъ не то дѣломъ, не то баловствомъ—писалъ стихи. И вотъ этотъ баринъ, добровольно покинувшій все для того, чтобы здѣсь вмѣстѣ съ другими солдатами сидѣть въ окопѣ, трогалъ и умилялъ дядю Василя.

Онъ понималъ, что условия, въ которыхъ они жили, были тяжелы для изнѣженнаго и слабаго барчука. Но тѣ кротость и спокойствіе, съ которыми Василя Львовичъ переносилъ эти условия, проткрывали предъ дядей Василемъ что-то глубокое, цѣнное и помятное не только ему, но каждому простому русскому человѣку, всегда ищущему и надѣющемуся найти правду въ людяхъ и жизни.

— Что-жъ это ты, милый, такъ вотъ, по доброй волѣ, и пошелъ?—любопытно разспрашивалъ дядя Василя.—И маменьку покинуть, и все? А дома, поди, хорошо жилось?

— Да, хорошо,—кратко и ласково улыбаясь, отвѣчалъ Василя Львовичъ.

— Что же это ты такъ-то рѣшился? Али ужъ на все воинство не нахѣлся? безъ себя, то истъ?—лукаво блестя глазами, продолжалъ спрашивать дядя Василя.

— Нѣтъ, милый, я не потому... Я пошелъ потому, что всѣ должны. Понимаешь? Нельзя такъ, чтобы ты пошелъ, а я оставался домъ. Я долженъ жертвовать, что могу, какъ всѣ...

† Леонъ Перецъ. Съ барельефа В. Кратки. Изъ собранія С. Анскаго.

— Такъ! — раздумчиво соглашался дядя Василии. — Значитъ, чтобъ всѣмъ міромъ навалиться? Это ты правильно. Да, вишь, тебя-то не убрали на войну. Ты бы и ждалъ.

— Нѣтъ, чего же ждать... Слушай, милый, ты одно пойми: развѣ я въ правѣ сидѣть у себя дома, гдѣ тишина, и покой, и уютъ, когда вотъ ты здѣсь мерзнешь и трудишься. Вѣдь это нельзя. Часъ пробилъ не только для тебя, но для всѣхъ. — Глаза Василии Львовича загорались и голосъ прерывался такъ, точно ему было трудно дышать. — Пробилъ часъ жертвы. Я не хочу сказать — великой. Я многихъ словъ боюсь. Есть слова, которыя обязываютъ. Но я скажу: часъ всеобщей жертвы пробилъ. Неважно, кто изъ насъ останется жить. Вѣдь наша жизнь — это тѣнь. И мы всѣ — тѣни тѣней, тѣни бывшаго, тѣни пережитаго, отголоски отзвучавшаго. По-настоящему живетъ лишь человѣчество въ массѣ. Оно творить, созидаетъ, разрушаетъ и снова творить. А отдѣльные жизни — это ничто. Ихъ нельзя, не стоитъ принимать во вниманіе...

И, не окончивъ свою рѣчь, Василий Львовичъ надолго задумывался, а дядя Василий, съ уваженіемъ и любопытствомъ глядя на него, тихо повторялъ, огорченный своимъ неопониманіемъ:

— Да, да, оно такъ... конечно...

Иногда онъ напряженно вслушивался въ тѣ отрывки стиховъ, которые, точно въ забытѣ, устремивъ глаза въ одну точку, бормоталъ про себя Василии Львовичъ.

Заинтересованный дядя Василии робко спрашивалъ поэта, что онъ говоритъ, и тотъ съ разсѣянной улыбкой давалъ странные объясненія.

Васька, за-глаза называвшій Василия Львовича „блаженнымъ“, прислушиваясь къ этимъ объясненіямъ, нерѣдко заливался веселымъ, сочнымъ смѣхомъ, откровенно признаваясь въ непониманіи мудреныхъ рѣчей страннаго барина. Но дядя Василии лишь изрѣдка позволялъ себѣ нерѣшительную, смущенную улыбку. Онъ чутко вслушивался въ слова Василии Львовича и съ каждымъ днемъ все сильнѣе привязывался къ своему непонятному сосѣду, все чаще и настойчивѣе вступалъ съ нимъ въ разговоры.

Какъ-то разъ дядя Василии получилъ подарокъ, кisetъ съ табакомъ, мыломъ, чаемъ и различными мелочами. Kisetы были посланы отъ одной изъ московскихъ гимназій, и въ томъ кisetѣ, который получилъ дядя Василии, было письмо отъ гимназистки III класса. Она просила того, кому достанется ея подарокъ, сообщить свое имя и написать, „какъ онъ поживаетъ на войнѣ“.

— Скажи на милость! — удивлялся дядя Василии. — Вѣдь ребенокъ еще, а какое складное письмо написала. И все заготовила: тутъ тебѣ и табакъ, и чай да сахаръ, и гребенка, и мыло, и пуговицы, и булавки съ иголками. Сообразительная!

И дядя Василии вслухъ обдумывалъ письмо, которое онъ напишетъ гимназисткѣ въ отвѣтъ.

— Поблагодарю, какъ же. Пушай видитъ барышня, что мы чувствуемъ. А дастъ Богъ иѣмца одужимъ, я ей изъ деревни медку пошлю. Батка у меня гораздъ за пчелами ходить. Ну, и барышня! Одно слово — спасенная душа.

— Медку пошлю! — засмѣялся Васька. — Эхъ, ты, дядя! Очень ей нуженъ медокъ-отъ твой. Чай, барышня въ городу не такія сласти ѣла. Медку!

Дядя Василии немного смутился.

— Да я не къ тому, что она медку не ѣла. Я — чтобы почтенъе доказать. А медъ у насъ гораздъ хороши.

— Гораздъ! Эхъ, ты, деревня! — захохоталъ Васька.

Но Василии Львовичъ серьезно сказалъ:

— И пошли, голубчикъ, непременно пошли. Это ты славно придумалъ.

Васька съ величайшимъ презрѣніемъ относился къ воспоминаніямъ дяди Василии о деревнѣ. Поживъ годъ въ дворникахъ въ Москвѣ, Васька совершенно серьезно проникся уваженіемъ къ городской культурѣ и презрѣніемъ ко всему деревенскому, „сѣрому“. И потому, когда дядѣ Василию не удержимо хотѣлось вспомнить свою настоящую деревенскую жизнь, ту жизнь, съ которой онъ былъ связанъ всѣмъ существомъ, — онъ обращался не къ Васькѣ, а къ мудреному барину, Василию Львовичу.

Ему дядя Василии долго, обстоятельно и любовно рассказывалъ и про свою неродимую землю, надъ которой онъ столько погу пролилъ и прольетъ еще, и про своего отца, который былъ богатымъ мужикомъ, а потомъ, какъ завелъ судиться съ односельчанами изъ-за мельницы, „пошелъ ходить по бѣдамъ“, а теперь и совсѣмъ скудяной сталъ. И про жену рассказывалъ дядя Василии, и про дѣтей, и про молодую невѣстку, которую взяли за то, что была она видная, здоровая.

— А она и оказалась лѣннымъ-лѣнная. Ведра воды не принесетъ. Цѣлый день лежитъ — прокладается.

— Ты, Василии Львовичъ, какъ война кончится, ко мнѣ въ гости прѣзжай, — просилъ дядя Василии. — Ужъ такъ-то у насъ на деревнѣ хорошо и привольно, сказать тебѣ не могу. Островъ у насъ на рѣкѣ лежитъ — такъ ужъ вотъ гдѣ споконъ. Трава-то на немъ зеленымъ-зелена; рѣченька тихо течетъ — не колыбнется, а цвѣтеть! а пташекъ!..

И Василии Львовичъ, внимательно выслушивавшій эти рассказы, много разъ обѣщалъ дядѣ Василию непременно прѣхать къ нему въ гости.

Василии Львовичъ страдалъ бессонницей и даже въ тѣ немногіе часы, которые полагались на отдыхъ, не спалъ, а съ открытыми, лихорадочно-горящими глазами лежалъ на холодной, сыровой соломѣ. Печурка дяди Василии топилась такъ мало, что солома не успѣвала обсохнуть и оставалась всегда полусырой.

Дядя Василии спалъ удивительно мало и послѣ какогонибудь часа крѣпкаго сна вставалъ отдохнувши, бодрый и веселый. И, пока Васька оглушительно-громко храпѣлъ, друзья вели тихіе разговоры у теплой печурки, выпивая по нѣсколько стакановъ жидкаго чая съ неизбѣжнымъ жирнымъ налетомъ.

Тутъ дядя Василии не только рассказывалъ о себѣ, но и осторожно выспрашивалъ Василия Львовича о его жизни. И видно было, что не праздное любопытство, а большой, настоящій интересъ къ собесѣднику вызывалъ эти разспросы.

Подъ утро тридцатаго дня, что провели они вмѣстѣ въ окопѣ, дядя Василии проснувшись увидѣлъ, что его любимый сосѣдъ по обыкновенію не спитъ, а, сидя на соломѣ съ открытыми глазами, что-то тихонько про себя бормочетъ.

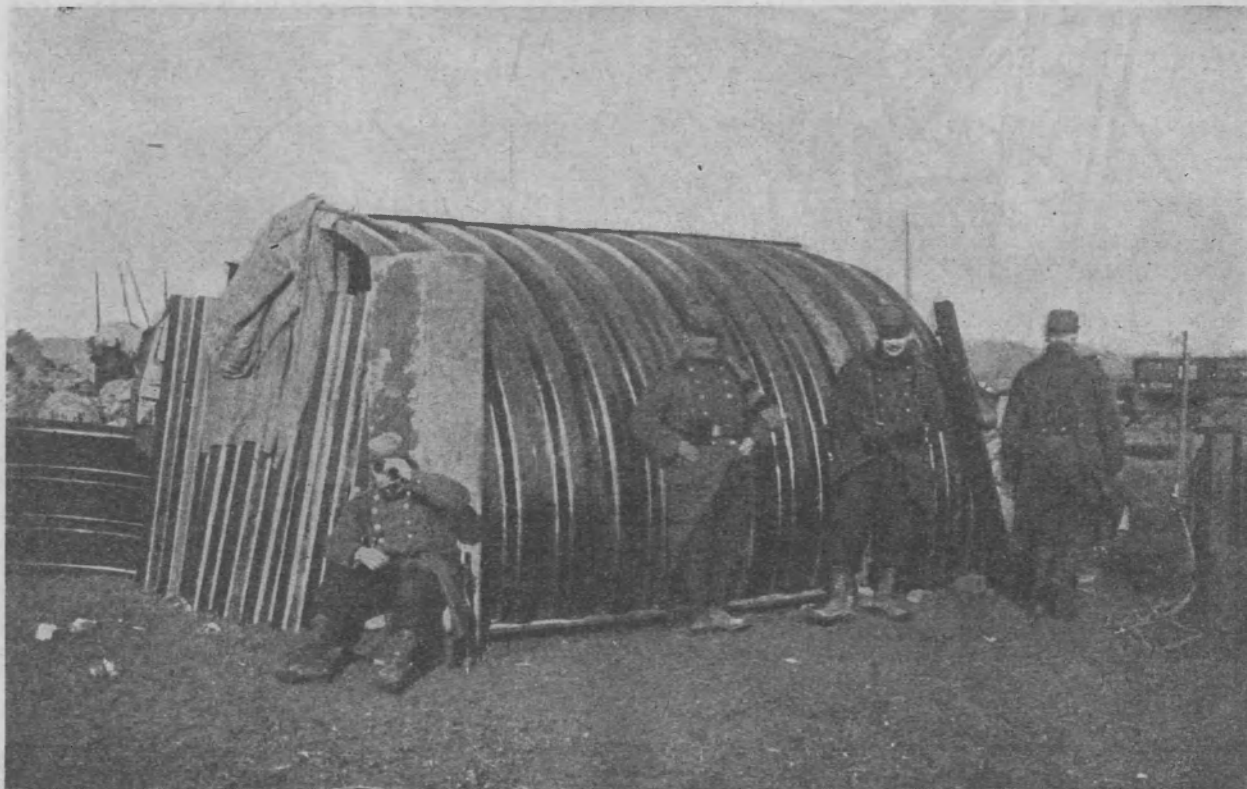
— Эхъ, миляга, и не заснулъ, поди, — зѣвая и крестясь, заговорилъ дядя Василии. — Ну, погоди ужъ, вотъ огонекъ вздую, чайкомъ тебя побалую.

И, когда огонекъ печурки облилъ краснымъ свѣтомъ лицо замечтавшагося поэта, дядя Василии, ласково коснувшись его плеча, спросилъ:

— Василь Львовичъ, слышь, кто-жъ это тебѣ вчера письмо прислалъ, надъ которымъ усмѣхался ты? Не невѣста?

— Что ты, милый, какая невѣста! — улыбнулся Василии Львовичъ. — У меня невѣсты нѣтъ.

— О! — разочарованно протянулъ дядя Василии. — А я думалъ... Что-жъ ты письму-то этому обрадовался?

Убьжище из стали.

— Такъ. Милая душа прислала,—вздохнулъ Василю Львовичъ.

— Вишь! Дѣвица аль товарищъ?

— Дѣвица.

— Ну, вотъ. А коли дѣвица, такъ, можетъ, и невѣстоп станеть?

И дядя Василій, придвинувшись ближе, съ надеждой заглянулъ въ лицо своему собесѣднику.

— Хорошая дѣвица-то, а?

— Хорошая,—улыбнулся Василій Львовичъ.

— Ты гдѣ же съ ней встрѣчался-то? Матушка, чай, знаетъ ее?—все съ той же надеждой продолжалъ допрашивать дядя Василій.

Василій Львовичъ не отвѣчалъ. Склонивъ розовое отъ огня лицо, полузакрывъ глаза, онъ, казалось, весь ушелъ въ какія-то воспоминанія. И вдругъ нѣжная улыбка тронула его губы. Смѣясь глазами, поглядѣлъ онъ въ лицо дядѣ Василю.

— Слушай, милый, я расскажу тебѣ, какъ ее встрѣтилъ. Это было на вечерѣ, въ большомъ бѣломъ залѣ. Я стоялъ на эстрадѣ и читалъ стихи—тѣ стихи, что сдѣлали мнѣ имя: „Тѣни тѣней“. Я говорилъ о призрачной жизни призрачныхъ людей, я говорилъ о томъ, какъ мы всѣ ищемъ новыхъ переживаній, но нашъ удѣлъ—только отражать чувства тѣхъ, что жили до насъ. Любимъ ли мы, ненавидимъ ли, ищемъ ли подвига или жертвы—мы точно пародируемъ тѣхъ, кто любилъ, ненавидѣлъ и жертвовалъ собою—давно, раньше, много тысячъ разъ—задолго до того, какъ родились мы. И чувства, и переживанія наши слабы, какъ тѣни въ сумерки на зыбкомъ пескѣ... И призрачна наша жизнь, какъ призрачны мы сами... Я говорилъ объ этомъ—и вотъ вдругъ нашелъ тѣ глаза, и они сказали мнѣ, что мои слова не для всѣхъ—только слова. А потомъ, въ антрактѣ, когда я одинъ

стоялъ въ дальнемъ углу и робко глядѣлъ на переливающеся, пестрое море людей, она подошла ко мнѣ и сказала: „Я васъ благодарю!“—„За что вы благодарите меня?“—спросилъ я. Она отвѣтила: „Я благодарю васъ за то, что вы прочли, я благодарю васъ за то, что вы пишете, я благодарю васъ за то, что вы живете“.

Василій Львовичъ снова склонилъ голову и долго сидѣлъ молча, нѣжно улыбаясь и полузакрывъ рѣсницами глаза. Гудѣла печурка. Красный свѣтъ наполнялъ всю яму тепломъ и уютомъ.

Дядя Василій вздохнулъ и тихо спросилъ:

— За что-жь это она васъ благодарила?

Василій Львовичъ повернулся къ нему съ кроткой и грустной улыбкой въ глазахъ.

— Да вѣдь я сейчасъ говорилъ, за что. Забылъ, а? Онъ взялъ дядю Василю за руку и наклонившись заглянулъ ему въ глаза.

— Слушай, милый, я вижу, ты меня не понялъ. Ну, скажи, развѣ тебѣ никогда не хотѣлось поблагодарить человека только за то, что онъ прошелъ мимо тебя?

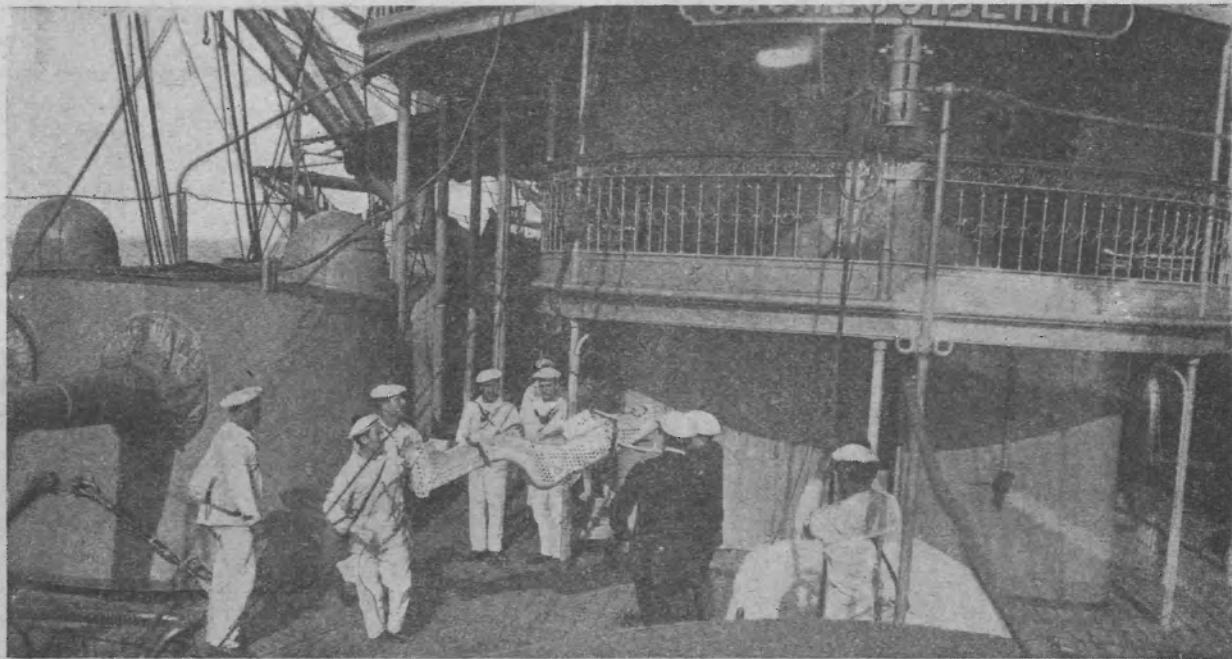
Дядя Василій смущенно пожалъ плечами:

— Кажись, нѣтъ.

Весь день дядѣ Василю то и дѣло вспоминался разговоръ у печурки и этотъ странный вопросъ. Улыбался, вспоминая лицо и глаза Василя Львовича, смущенно поводитъ плечами.

На настойчивые разспросы дядѣ Василю наконецъ удалось узнать, что у той барышни, которая прислала письмо, былъ другой женихъ, а Василій Львовичъ ходилъ къ ней только изрѣдка въ гости. Выло обидно за Василю Львовича и досадно на благодарившую его барышню.

И, оглядываясь на занятого стрѣльбой сосѣда, дядя Василій крѣпко огорчался. И не вовсе ужъ молодой, а гляди-ка: ни жены, ни невѣсты.

На английском броненосце. Спуск раненого.

Слова о благодарности так и остались непонятыми. Дядя Василий не знал, что и думать о них. „Блажной“, — припомнилась ему кличка, данная Васькой.

День выдался хлопотливый, и особенно раздумывать было некогда. После полудня, к радости всех солдат, покинули тесный коридор, где просидели целый месяц, и пошли выбивать противника.

Дядя Василий после припомнил, что, когда перебьгали полянку, по-колѣно увязая въ снѣгу, Василии Львовичъ бѣжалъ рядомъ съ нимъ. Но, подбѣгая къ нѣмецкому окопу, дядя Василий уже не видѣлъ рядомъ своего сосѣда и, оглянувшись, замѣтилъ, что тотъ стоитъ на колѣнахъ посреди полянки. Некогда было сообразать, зачѣмъ Василий Львовичъ всталъ на колѣна, и дядя Василий только для чего-то помахалъ ему рукой, продолжая бѣжать впередъ.

И только много времени спустя, когда солдаты, взволнованные и утомленные, съ любопытствомъ стали оглядывать помещеніе, гдѣ столько дней сидѣлъ противникъ, — дядя Василий, обезпокоенный отсутствіемъ своего друга, вышелъ на полянку, уже окутанную сумерками. Здѣсь суетились савитары, подбирая раненыхъ. Слышались стоны, чей-то тихій, жалобный плачь.

Посреди полянки дядя Василий нашель своего сосѣда. Тотъ лежалъ на спинѣ, раскинувъ руки.

Еще не доходя нѣсколькихъ шаговъ до этой неподвижной фигуры, дядя Василий почувствовалъ, какъ у него вдругъ замерло и потомъ часто забилось сердце.

— Василь Львовичъ! — негромко окликнулъ онъ.

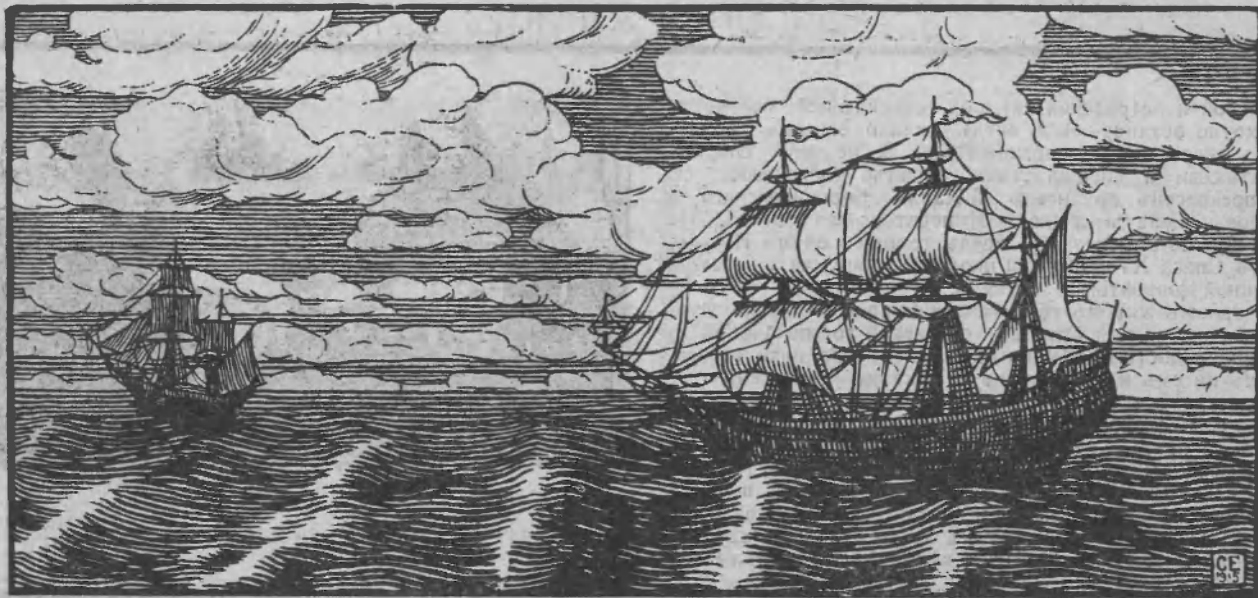
Отвѣта не было.

Дядя Василий опустился на колѣна въ снѣгъ и склонился надъ неподвижно лежавшимъ Василиемъ Львовичемъ. Освѣщенное трепетной синевой сумерекъ, тихо и покойно было его лицо. Дядя Василий долго глядѣлъ въ открытые свѣтлые глаза. Что-то защекотало горло, согрѣло глаза — одна за другой медленно упали двѣ слезы на лицо убитаго. Дядя Василий все глядѣлъ, не имѣя силъ отойти. И вдругъ ему ясно вспомнилась кроткая улыбка и тихій, ласковый голосъ, и странныя слова: „Развѣ тебѣ никогда не хотѣлось поблагодарить человѣка только за то, что онъ прошелъ мимо тебя?“.

И еще недавно загадочныя слова эти стали такими понятными, близкими. Дядя Василий плача перекрестилъ убитаго, поцѣловалъ его мертвые глаза и медленно, тяжело побрелъ назадъ.

О. Снѣгина.

ВЪСТИ И МНѢНІЯ.

Письма со стороны.

I.

Московская публика очень недовольна пушкинским спектаклемъ въ Художественномъ театрѣ. И критики тоже недовольны. Недовольны всѣмъ, и декораціями Александра Бенуа между прочимъ. Онъ слишкомъ „тяжелъ“, по мнѣнію присяжныхъ зоиловъ и московскихъ эстетовъ. Я не видалъ пушкинскаго спектакля, но въ этихъ неладахъ Художественнаго театра съ москвичами меня поразила одна любопытнѣйшая черта. Откуда у этихъ москвичей такое гурманство, что даже Бенуа для нихъ „тяжелъ“ и вотъ не сумѣлъ постигнуть Пушкина!

Не эти ли самые москвичи захлебывались отъ восторга и рукоплескали неистово Художественному театру, когда онъ изъ года въ годъ пользовался услугами провинціальнѣйшихъ декораторовъ, которые никакого отношенія не имѣютъ къ искусству декоративному. Тогда все было благополучно, и лавры Художественному театру были обеспечены. А вотъ теперь, когда для пушкинскаго спектакля написалъ декораціи влюбленный въ Пушкина Бенуа, мастеръ подлинный, а знатокъ театра единственный и несравненный, — теперь публика брызжитъ и капризничаетъ.

Мнѣ скажутъ пожалуй, что я не имѣю права вмѣшиваться въ этотъ споръ Бенуа съ публикою, потому что я не видалъ спектакля, но едва ли этотъ „отводъ“ дѣйствителенъ. Если бы я не зналъ Бенуа вообще и видѣлъ лишь его иллюстраціи къ „Мѣдному всаднику“, то и этого факта было бы совершенно достаточно, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, кто правъ — художникъ или московская публика, воображавшая, что она понимаетъ что-то въ пушкинской „легкости“. Чтобы оцѣнить „легкость“ Пушкина, то есть то, что было имъ унаслѣдовано отъ восемнадцатаго вѣка и старой французской культуры, надо быть самому отчасти въ этомъ родѣ. Но московской публикѣ рѣшительно не къ лицу исключительное любованіе пушкинской легкостью въ ущербъ всему прочему.

Упреки, обращенные къ Бенуа, не случайны. Публика первыхъ представленій въ знаменитомъ московскомъ театрѣ давно ужъ чувствуетъ себя блазированной. И дѣло тутъ не

въ Пушкинѣ. По счастью русское общество въ пѣломъ далеко отъ погони за легкостью. И въ наши страдные дни почти всѣ помнятъ, что „всяки предъ всѣми и за всѣхъ виноваты“, и почти всѣ чужды нехорошему соблазну эстетической безотвѣтственности. Но именно потому, что Россія, слава Богу, свободна въ эти дни отъ многихъ будничныхъ соблазновъ и духомъ сильна и здрава, именно поэтому нѣтъ нужды замалчивать нынѣ грѣхи наши. Одинъ изъ такихъ явныхъ грѣховъ нашего „дивилизованнаго“ меньшинства — погоня за легкостью, — увы! — совсѣмъ не пушкинскою. Всѣ эти „позво-концерты“, футуристическія выставки, стилизованные дэнди-стихотворцы — это все жажда безотвѣтственности и „воля къ безмыслию“ во что бы то ни стало. Московскіе адвокаты и коммерсанты, которые недовольны тѣмъ, что ихъ благосклонному вниманію предложили „труднаго“, а не „легкаго“ Пушкина, совсѣмъ похожи на тѣхъ желторотыхъ юнцовъ и дѣвицъ, которые восхищаются поэтами эго-футуристовъ. И тамъ, и тутъ слѣпой страхъ предъ нелепимъ въ жизни.

Теперь, когда Россія преодолеваетъ успѣшно величайшія трудности, жертвуя многимъ, неловко и стыдно какъ-то встрѣчать порою то въ зрительномъ залѣ театра, то на модной выставкѣ, то въ салонѣ, гдѣ толкуются литераторы, этихъ избалованныхъ „эстетовъ“, которымъ все — „трывъ-трава“ и которые до сихъ поръ живутъ захолустнѣйшими теоріями эстетизма.

Божественная „легкость“ Пушкина неповторяема. Прекрасная въ немъ самомъ, она становится невыносимою пошлостью, когда на нее претендуютъ тѣ, у кого нѣтъ на нее внутренняго права. Вотъ ужъ вѣрнѣе — *quod licet Jovi, non licet bovi*.

Борисъ Кремневъ.

Подспудная красота.

Въ музеѣ бар. Штиглица недавно открылась «Выставка церковной старины», на которой есть что посмотреть и надъ чѣмъ подумать и, быть можетъ, даже поплакать.

Большая часть выставленныхъ предметовъ относится къ XVIII вѣку — абсолютно чуждый русской церкви барокко заполонилъ и эту область и властвуетъ неодолимо. Духъ его, чуждый московской строгой красотѣ XVII—XVI вв., вѣетъ всюду — въ украшеніяхъ на престольныхъ евангелии, въ изнѣженномъ шитьѣ ризъ и престольныхъ одеждъ. Послѣ ели-

заветинской и петровской шумной, сверкающей пышности так охотно остановишься предъ великолѣпнымъ, молитвеннымъ творчествомъ царской Руси. Я не хочу спорить съ знатоками и специалистами, заранѣе соглашаюсь съ ними—прекрасенъ архангелъ Михаилъ Боровиковскаго и фарфоровая чаша и дискосъ Императорскаго завода. Но вся эта прелесть исчезаетъ предъ темными очами Неруко творнаго Спаса XV вѣка или иконой Эммануила съ фатой, украшенной финифтью и камнями.

При такомъ живомъ сопоставленіи ярче и ближе чувствуется сила родной старины съ какой-то печальной и стыдливой радостью глядишь на потемнѣвшие лики строга-новскихъ пи.емъ или затѣйливую буквицу—навертень.

На выставкѣ есть особенная публика—остриженная въ скобку, немногословная и сосредоточенная. Но хотѣлось бы, чтобы сюда пришли не только близкіе, но и далекіе,—быть можетъ, неожиданно для многихъ здѣсь откроется источникъ новыхъ радостей. Церковная старина для большой публики въ полномъ смыслѣ слова является подспудной красотой: съ одной стороны, многое не такъ легко увидѣть, съ другой же—мѣшаютъ предубѣждения и полнѣйшее невѣжество въ этой области.

Знатокъ не найдетъ вѣроятно на этой выставкѣ чегонибудь поражающаго—многие предметы взяты изъ древле-хранилища Александро-Невской лавры, Публичной библиотеки и духовной академии. А любопытствующему простецу есть на что поглядѣть—«во-имя» разныя и Деисусы, и Нерукотворный Спасъ съ омоченными власы, и преподобные, и мученики, и апостолы,—«однимъ словомъ, всего этого благолѣпія не изрещи»: и гребень костяной со звѣринными главами и надписью: «Спаси мя отъ усть львовыхъ»,—и старья книги, и древни покровъ, шитый золотомъ, на раку Александра Невскаго, во схимѣ Алексія. И станеть этому случайному пришельцу тамъ хорошо и уютно, взглянетъ на него изъ-за подспуд-ой красоты милый и родной ликъ Россіи, и сердцемъ почувается, какъ нужна и дорога эта до сей поры живая прелесть. Быть можетъ, теперъ пришло время вспомнить многое позабытое; выставка церковной старины поможетъ намъ въ этомъ и покажетъ, что у насъ «съ предковскими преданіями связь разсыпана, дабы все казалось обновленнѣе, какъ будто и весь родъ русский вчера насѣдка подъ крапивою вывела». (Лѣсковъ. «Запечатлѣнный ангелъ».)

Димитрій Крючковъ.

Стягъ безграмотности.

Скобелевскій комитетъ выпустилъ стихи Д. Цензора подъ заглавіемъ „Священный стягъ“. Поправить же ошибки поэта, слишкомъ увлекающагося русскимъ языкомъ, издательство не удосужилось, а между тѣмъ Д. Цензоръ имена убитыхъ повторяетъ „каждымъ днемъ“, нѣкая Ина у него свой дѣвичій духъ „сковала въ латы“, герои у него причащаются „къ бѣдамъ“, священникъ у него приходитъ „съ лицомъ нужды“ и причащаетъ раненыхъ не виномъ, а масломъ („Прольетъ причастіи святой елей“). Ужъ гдѣ-гдѣ, а на стягѣ, да еще священномъ, ошибокъ быть не должно.

«Verba».

Одинъ англичанинъ, пробывшій (въ срединѣ 90-хъ годовъ) почти три мѣсяца въ Россіи, ужъ конечно писалъ потомъ о Россіи. Его впечатлѣнія были неожиданны. Особенно удивляло, до самаго послѣдняго времени, одно изъ нихъ. Въ Россіи,—говорилъ англичанинъ,—реформы—рѣдкость, а потому русскіе, какъ дѣти, радуются малѣйшей, хватаютъ ее, только что она провозглашена, любятъ ее, гордятся, усердствуютъ и хранятъ ее, какъ хранятъ въ бутылкѣ голые прутья дерева съ бѣлыми наростами, которые называются „verba“. Путь эти никогда не расцвѣгаютъ, оставаясь похожими на „rosga“, но трогательная и преданная любовь русскихъ къ нимъ умилаетъ сердце.

Собаки на санитарной службѣ во Франціи.

Повторяю, до самаго послѣдняго времени это наблюденіе, насчетъ ревности русскихъ къ дарованнымъ имъ реформамъ, казалось весьма поверхностнымъ. Но вотъ реформа нашей не-вской столицы заставляетъ подумать, что пожалуй англичанинъ подмѣтилъ вѣрно наше трогательное усердіе. Мы такъ увлечены, что стыдимся прошлаго, дореформеннаго времени, дореформенныхъ писателей, недожившихъ до переворога, исправляемъ ихъ, гдѣ только можно. Цитируя напримѣръ воспоминанья П. И. Вейнберга о Некрасовѣ, мы исправляемъ „старый“ текстъ Вейнберга: „Я тогда уѣзжалъ изъ Петербурга“... на новое: „я уѣзжалъ изъ Петрограда“... Такихъ примѣровъ столько, что даже „Вечернее Время“ робко поставило вопросъ, до какихъ слѣдхъ глубинъ исторіи должно идти исправленіе? Но если и установить „Веч. Время“ срокъ,—въ сто лѣтъ, скажемъ,—все-таки, въ первомъ новомъ изданіи Пушкина, въ „Пирѣ Петра“, мы неизбѣжно прочтемъ:

„Что пируетъ царь великій
Въ Петроградѣ-городкѣ?
Отчего пальба и крики,
И эскадра на рѣкѣ?
.....
Оттого то шумъ и клики
Въ Петроградѣ-городкѣ“...

На взглядъ англичанина, это будетъ „verba“ или „rosga“, но... у насъ взглядъ—русскій, здѣшній, дѣйствительный.

Книги, поступившія въ Редакцію для отзыва:

Всего до сихъ поръ поступило 22 книги.

23. Мих. Сандомирскій. «Марина Мнишекъ». Стихи. Кн-во «Жатва». Москва. 1914 г. Ц. 50 к.
24. Н. П. Карабчевскій. «Мирные плѣнники». Въ курортномъ плѣну у нѣмцевъ. Петроградъ. Ц. 1 р. Изд. М. В. Попова.
25. Александръ Корона. «Лампа Аладина». Книга пѣсенъ. Изд. «Поэзія». Петроградъ. Ц. 1 р. 25 к.
26. Ал. Рославлевъ. «Покройникъ Посудѣвскій» и др. рассказы. Петроградъ. 1915 г. Ц. 1 р. 25 к. Изд. М. П. Попова.

Поправка. Въ статью Г. И. Чулкова (№ 15) вкра-лась досадная опечатка, которую спѣшимъ исправить: цитату изъ Пушкина слѣдуетъ читать такъ: „Какая сила въ немъ сокрыта“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 год
на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОРГАНЪ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ИНТЕРЕСАМЪ ЕВРЕЙСТВА
VI ГОДЪ ИЗДА- **VI** ГОДЪ ИЗДА-
НІЯ **„НОВЫЙ ВОСХОДЪ“** НІЯ.

„Новый Востокъ“ попрежнему считаетъ основной своей задачей: объединение и организацию всѣхъ элементовъ русскаго еврейства на почвѣ общей борьбы за гражданское и национальное равноправіе. И въ настоящій, исключительной важности, историческій моментъ „Новый Востокъ“ считаетъ себя обязаннымъ приложить всѣ силы къ выполнению основной своей задачи во всѣхъ намѣченныхъ выше направленьяхъ. Грандіозная война и то вліяніе, какое она можетъ оказать на судьбы нашего народа, побуждаетъ насъ удѣлить этому мировому событію особое вниманіе. По тѣмъ же мотивамъ мы нашли нужнымъ

посвятить мировой войнѣ, участию въ ней евреевъ и значенію евреевъ для еврейства, особую книгу

„МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕВРЕИ“

въ которой будутъ всесторонне освѣщены: дѣятельность евреевъ - воиновъ, врачей, санитаровъ и пр., участие въ войнѣ мирнаго населенія, а также - вопросы, связанные съ политическими и экономическими послѣдствіями войны для еврейства. Книга эта, въ размѣрѣ 10-12 листовъ большого формата, будетъ богато иллюстрирована портретами отличившихся евреевъ-воиновъ, врачей, снимками съ еврейскихъ поселеній, бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій, съ сооруженныхъ евреями лазаретовъ, пилательныхъ пунктовъ, приютовъ и т. п.

Книгу «Мировая война и евреи» подписчики, внесше годовую плату полностью, получаютъ бесплатно.

Въ отдѣльн. продажу книга поступ. въ концѣ 1915 г., по цѣнѣ 2 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
Въ РОССИИ: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к., на 3 мѣсяца—1 р. 25 к.
За ГРАНИЦУ: на годъ—6 р. 50 к., на полг.—3 р. 25 к., на 3 мѣс.—1 р. 75 к.
На покрытие расходовъ по экспедиции и пересылкѣ бесплатнаго приложенія вносите при подпискѣ 50 коп.

Въ „Новомъ Востокѣ“ подписчики попрежнему найдутъ юридическіе совѣты и указанія по вопросамъ законодательства о евреяхъ. Руководятъ этимъ отдѣломъ Л. М. Айзенбергъ и Г. Б. Слозбергъ.
Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невская, 23, кв. 26.
Пробный № высылается по первому требованію бесплатно.

Открыта подписка на новое иллюстрированное издание
„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

подъ редакціей генер.-м Ф. Г. Игнатьева, при участіи генер.-отъ-инф. М. И. Ботьянова (по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ—участниковъ войны), съ картами, планами, портретами, изображениями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военного быта.

Издание печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выходитъ еженедѣльными выпусками. Каждый выпускъ содержитъ вполне законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) **Официальный отдѣлъ:** ВЫСОЧАЙШЕ указы, правительственные распоряженія, сообщения Верховнаго Главнокомандующаго, сообщения штаба, телеграммы и свѣдѣнія со всѣхъ театровъ войны. 2) **Неофициальный отдѣлъ:** историческія описанія и разъясненіе хода сраженій, описаніе военныхъ дѣйствій по словамъ участниковъ или очевидцевъ сраженій, корреспонденціи съ театровъ войны, отклики на Руси и за границей, свѣдѣнія о герояхъ и жертвахъ войны, хроника войны и пр.

Первый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к. (по полученіи марокъ). Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА—3 руб. съ пересылкой по всей Россіи. Допускается разсрочка въ 2 срока. За границу—6 руб. Деньги и требованія адресовать: въ главную контору „ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“, Петроградъ, Владимирскій пр., д. № 7.

ИЗВѢСТНАЯ НА ВСЕ СВѢТЪ
автоматическая бистровязальная машина
„ВИКТОРИЯ“

стоитъ только 110 рублей,
вяжетъ всевозможныя трикотажныя вещи и
изготавливаетъ чулокъ въ 15 минутъ.
Требуются немедленно старательныя вязальщицы
и вязальщицы для постоянной и легкой работы
у себя на дому. Мы платимъ 1 р. 50 к. за изготовленіе
каждой дюжины паръ чулокъ или носковъ.

Гарантированный заработокъ и постоянная работа.
Предварительныя знанія не требуются.
Разстояніе не имѣетъ значенія.
Требуйте нашъ бесплатный проспектъ.

ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ
ТОМАСЪ Г. ВИТТИКЪ-КЮНАУ и К^о.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., д. Армянской церкви, - 37-а.

ПОДЪ ЩИТОМЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

Историч. романъ А. И. Лавинцева (512 стр. съ 104 рис.). Цѣна въ перепл. 2 р. съ перес. Наше издание „ПОДЪ ЩИТОМЪ СЕВАСТОПОЛЯ“ въ романтической формѣ знакомитъ съ исторіей защиты Севастополя и снабжено портретами героевъ войны, сценами сраженій и пр.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. 20.

112 КНИГЪ РОМАН. и **425** ВЫПУСК. ТОЛЬ-ЖУРНАЛА. КО ЗА **11** Р. и прилож. КО ЗА **11** Р.
получать всѣ тѣ лица, которыя подпишутся на 1915 годъ на слѣдующіе еженедѣльные иллюстрированные журналы:

„РОДИНА“

дающи въ теченіе года:
52 №№ илл. лит. ЖУРНАЛА, 52 №№ илл. „ВСЕМИРНОЕ ОБЗРѢНІЕ“, 52 №№ „РАЗВЛЕЧЕНІЕ“, 52 №№ „НЕДѢЛЯ ВОЙНЫ“, 52 „ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ“ въ краснахъ и одноцвѣтныхъ, 49 ОБЩЕПОЛЕЗН. ПРИЛОЖЕНІИ (по 12 №№: „МОДЫ“, „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, „ВЫКРОЙКИ“, „УЗО-РЫ ВЫПИЛИВ. и ВЫЖИГ.“ и ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ 1915 г.) и

ВОСЕМЬДЕСЯТЬ КНИГЪ

12 кн. илл. СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ (преимуществ. на темы ВОЙНЫ), 26 кн. собр. соч. В. А. ТИХОНОВА, 18 кн. ИСТОРИЧ. роман. Н. СЕВЕРИНА и 24 кн. журн. „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ (ВСЕГО въ книгахъ до 8000 стран.). СВЕРХЪ ТОГО ДВѢ КАРТИНЫ ПРЕМИИ: 1) „Шалости Амура“ и 2) „Подъ солнцемъ юга“.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

дающи въ теченіе года:
52 №№ илл. литер. журн. „ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ (журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ), 52 №№ отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“ 12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“, кромѣ того ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ - ЕЖЕДНЕВНИКЪ 1916 года и КАРТИНУ-ПРЕМИЮ: „СВИДАНІЕ“, а танже

ТРИДЦАТЬ ДВѢ КНИГИ

20 кн. собр. сочин. (роман. и пов.) А. Д. АПРАКСИНА и 12 книгъ романовъ „ДРАМЫ ЖИЗНИ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ВЫШЕУКАЗАННОЕ
ЗА ГОДЪ БЕЗЪ ДОСТАВКИ **11** р. | съ пересылкой по Россіи **13** р. | РАЗСРОЧКА ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ **8** р.

ПРИНИМАЕТСЯ ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА на каждый журналъ по цѣнамъ за ГОДЪ:

„РОДИНА“ безъ до- 7 р. | съ пересылкой по Россіи 8 р. | РАЗСРОЧКА при под- 5 р.
пискѣ

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ безъ до- 4 р. | съ пересылкой по Россіи 5 р.

ПЕРВЫЙ ВЗНОСЪ при подпискѣ 3 р.
Подробная программа высылается БЕЗПЛАТНО.
Подписка адресуется: Акционерному Обществу ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114, и Садовая, 20 (третій домъ отъ Невскаго) Въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія линіи.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА.

ТАЙНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й

до сихъ поръ скрытыя въ мемуарахъ, запискахъ и прочихъ историч. ескихъ документахъ и чрезвычайно ярко обрисовывающія **интимную жизнь** этой великой женщины-правительницы и ея отношенія къ фаворитамъ, въ настоящее время открыты, благодаря увлекательно написанному историческому роману Г. САМАРОВА: „ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ“, „НА ПОРОГѢ ТРОНА“, „ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ ПЕТРА III-го“, „АДЪЮТАНТЪ ИМПЕРАТРИЦЫ“ и „ПОДЪ БѢЛЫМЪ ОРЛОМЪ“. Всѣ эти романы написаны съ замѣчательной исторической правдою и полны захватывающаго интереса. Дополненіемъ этихъ произведеній является историческій романъ изъ польскаго возстанія 1830 г. „КОРОНА ЯГЕЛЛОНОВЪ“. Кромѣ того въ собраніе сочиненій Г. САМАРОВА входятъ историческіе романы „ЗАМОКЪ ФЕЙ“ и „ОКОЛО ТРОНА“. Цѣна за все СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. САМАРОВА 8 р. 50 к. съ перес.

Требованія адресуются Акционерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. 114, и Садовая ул., д. № 20.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА тоно указать, желаете ли получить журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-мя книгами полного собрания сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО, или БЪЗЪ этихъ книгъ, а журналъ "ВСЕМІРНАЯ НОВЬ" съ 12-мя или 50-ю книгами сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакцію Д. В. ФИЛОСОВОА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ 1/2 долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:—Война и Миръ, Анна Каренина, Крейцерова соната, Воскресене, Дѣтство, отрочество и юность, Казаки, Утро помѣщика, Семейное счастье, Декабристы, Записка маркера, Два гусара, Доликушка, **РАЗСКАЗЫ**:—Набѣгъ, Севастополь, Рубка лѣса, Встрѣча въ отрядѣ, Метель, Альбертъ, Люцернъ, Три смерти, Холстомъръ, Тихонъ и Маланья, Идиллія, Смерть Ивана Ильича, Хозяинъ и работникъ, Корней Васильевъ, За что?, Ягоды, Пѣсни на деревьяхъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Бласть тьмы, Плоды просвѣщенія, Живой трупъ, И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, Отъ ней всѣ качества.

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:—Халжи Муратъ, Отецъ Сергій, Дьяволъ, Послѣ бала, Фальшивый купонъ, Алеша Горшочекъ, Зеленая палочка, Записки сумасшедшаго, Два спутника, Кто правъ?, Отецъ Василій, Кто убійца?, Гермоная Исидоръ, Ходынка и проч.—**ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА**:—Чѣмъ люди живы, Первый винокуръ, Ходите въ свѣтъ, Каюшійся грѣшникъ и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:—Исповѣдь, Въ чемъ моя вѣра, Христіанское учене, Учене Христа, изложенное для дѣтей, Что такое религія, Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**КРУГЪ ЧТЕНІЯ**.—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическ. я.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году
ввидѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ**:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльный, поставившій себѣ целью соединить художественность съ занимательностью, серьезность—съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ—къ объединенію демократическ. и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества. Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ—таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“—богато иллюстрированъ и даетъ тонкохудожественный матеріалъ, равно какъ и фотографическія снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусилова, Б. Верхоустинаго, З. Гиппиуса, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Карачарова, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Ропшина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, К. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владиміра Гиппиуса, В. Ирещнаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Нурчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Мережковскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участие художники: Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Нежитайло-Андріенко, Н. Рерихъ, Н. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Янауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:
52 №№ художеств.-литературн. журнала и
82 КНИГИ полного собрания
Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го юня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—**4 р. 50 к.**, за полгода—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.**

Пробные номера—**20 нон.** съ пересыл. При подпискѣ указывать набранный журналъ и число книгъ и адресовать
Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“—еженедѣльный иллюстрированный **ЖУРНАЛЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ**, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массою рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. илл. отдѣла „СМѢХЪ и САТИРА“, а также **12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“** (моды и помалов). **ОТРЫВОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ** на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВИДАНІЕ“** и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го юня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМІРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ—**ДВА (2) р.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го юня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 руб.**

Выдачу высокой цѣнности для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особенное вниманіе на тщательность печати и изящество внѣшнѣго вида полного собранія его сочиненій.